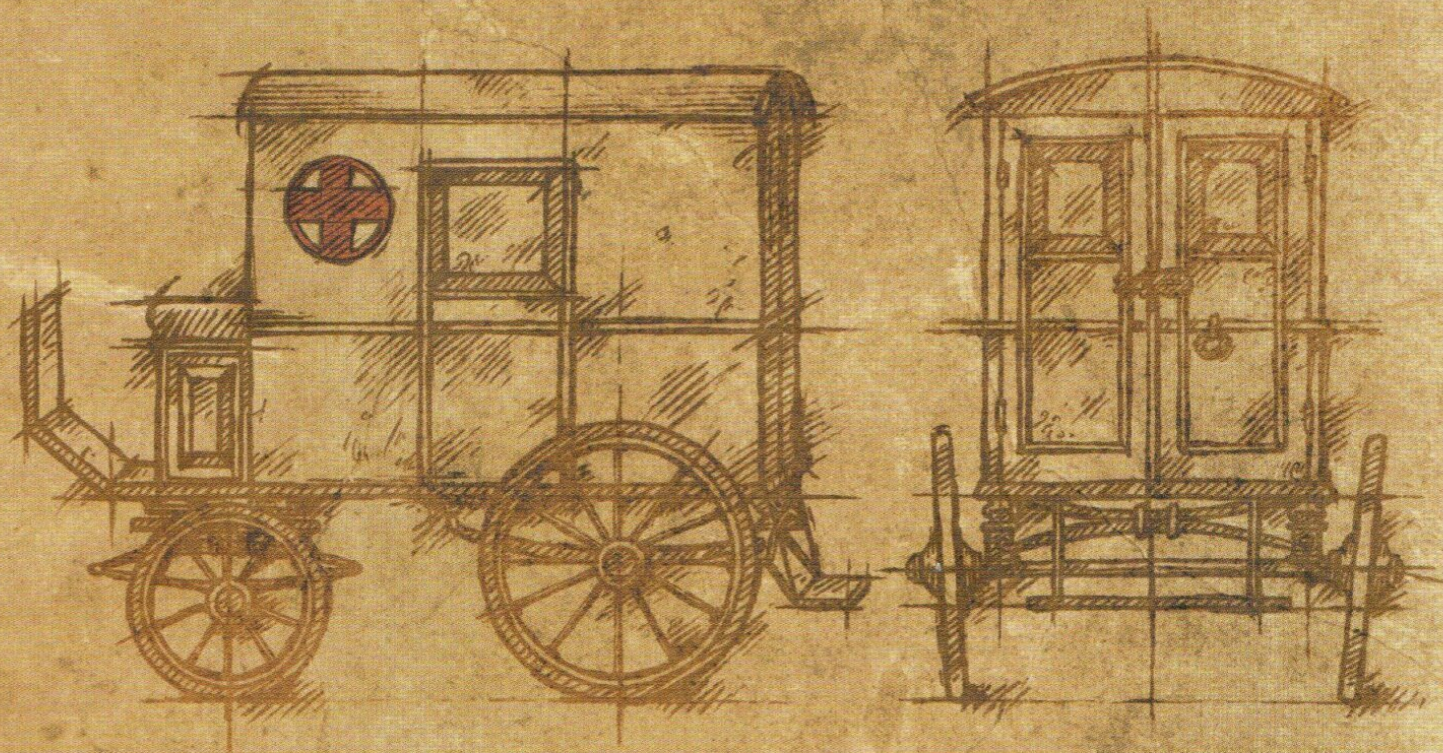

Татьяна Соломатина

Община Св. Георгия

роман-сериял

Второй сезон

18+

Татьяна Соломатина

**Община Св. Георгия. Роман-
сериал. Второй сезон**

«Автор»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6

Соломатина Т. Ю.

Община Св. Георгия. Роман-сериал. Второй сезон /
Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2022

ISBN 978-5-222-37754-3

«Община Св. Георгия» открылась после реконструкции. Возглавила клинику доктор медицины, княгиня Вера Игнатьевна Данзайр. В планах более масштабные перемены. Есть возможность на базе госпиталя развернуть больницу скорой медицинской помощи. Перемены наступают масштабно, по всей стране: первая Дума, Столыпин... Но жизнь человеческая – не клад, зарытый на светлое «потом». Времена не выбирают, в них живут и, случается, незапланированно беременеют. А в Российской империи аборт приравнен к детоубийству. И хотя первый «феминист» всея Руси Пётр Первый отменил смертную казнь за преступное изгнание плода, серьёзную уголовную ответственность несёт и женщина, и врач. Особенно врач.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-222-37754-3

© Соломатина Т. Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава I	6
Глава II	15
Глава III	26
Глава IV	38
Глава V	52
Глава VI	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Татьяна Соломатина

Община Св. Георгия. Роман-сериал. Второй сезон

Текст печатается в авторской редакции.

Мнение автора может не совпадать с мнением издательства. Текст книги не направлен на характеристику отдельных лиц или групп лиц, объединенных по профессиональному или какому бы то ни было признаку, а также не содержит призывов к противоправным действиям.

Все действующие лица – выдуманы, все события – реальны. Впрочем, первичную реальность имеет лишь абсолютная идея, которая и порождает реальность чувственную, эмпирическую. Так что, с позиций объективно-идеалистических, реальны и действующие лица, поскольку они уже выдуманы.

© Соломатина Т. Ю., текст, 2022
© Камаев В. В., дизайн обложки, 2022
© ООО «Феникс», оформление, 2022

Глава I

Клиника «Община Св. Георгия» закрылась на реконструкцию.

Работы шли полным ходом. Казалось, и представить невозможно, сколько всего способны соорудить за столь короткий срок. Однако же возможно при достаточных ресурсах. Может, и с пирамидами в Египте было так? И нет никакой особой тайны, кроме производственной? Поди, тоже обыкновенные люди жили. И среди них запросто мог оказаться подобный Николай Александрович Белозерский, богатейший купец. Предоставил щедрые средства. Увлечённых профессионалов собрал, квалифицированных работников нанял сообразно масштабу задумки, и – нате, пожалуйста: хошь гробницу подземную, а хошь и замок поднебесный. Когда ум с делом не расходятся, ещё и не такое можно сотворить.

Рабочие, водрузившись на козлы, занимались серьёзным делом: состраивали электрическую проводку. Саша крутился тут же. Александр Николаевич Белозерский, единственный наследник кондитерской империи, скромный ординатор сверх штата, несколько месяцев как заведовал амбулаторным приёмом. Но практически круглосуточная занятость не мешала ему вертеться у всех под ногами. Вера Игнатьевна диву давалась, откуда у молодого человека совершенно сумасшедшая витальность. Не иначе как от природного богатырского здоровья и неуёмного шалопайства, проистекающего из отсутствия каких бы то ни было житейских неурядиц. Мастеровой уваживал восторженный интерес барина с особым достоинством посвящённого в таинства, недоступные простым смертным:

– Тут, ишь, медная жила. По ней, значит, свет идёт, куда покладём. Жила, смотри, укутана в твёрдую гутаперчу. Сейчас мы провод через бревно переведём, а на край – заглушку керамическую. Всё это хозяйство на чердак прежде заведено, нынче сквозь распределительные коробки разводим, для того и стены высверливаем. И, значит, кругом лампочки полуваттные, любо-дорого! Оно когда любо – всегда дорого!

Работники посмеивались тишком, оценивая подковырку старшего, но Саша смеялся от души. Он снискал их приязнь, хотя поначалу его сторонились, опасались: барчук, сын того, кто за всё платит, – не зря ли нос всюду суёт! Но скоро разобрались, что нос его в делах не слишком нанюхан, а интерес искренний, неподдельный – то бишь по делу. Александр Николаевич мир воспринимал как чудо, будь то чудо рождения или чудо электропроводки. Таковая черта, как известно, пока сохраняется в человеке, как уютный уголок посреди тьмы жизни, притягивает людей и призывает к доверию.

Повсеместную необходимость бесовского электричества более всех переживал Иван Ильич. «Оно и раньше было в клинике – понятно, в операционной без этого никак. Но чтобы по всем углам, включая ретирадные места?! Что там разглядывать?! А дальше что, информационный листок прикажут на горшке прочитывать?! То, что конюшню новую выстраивают, то ладно, – менял ход мыслей Иван Ильич, – прежняя мала была, спору нет. А раз расширение, так и лошадок новых закупают. То славно. И делу – крепость, и Клюкве – товарищество. Но в конюшне-то зачем электричество?!» В старой конюшне налаживают бабье крыло – это он пережил. К тому же для него специальное строение затеяли – оказана честь, он понимает это и принимает. «Но лампы-то зверям на что?! Да и дорого опять же!»

– Не животинам, а тебе, человеку! – подшучивал над Иваном Ильичом Владимир Сергеевич Кравченко, справедливо восстановленный в правах и званиях. – Целое хозяйство под началом станет! Командовать будешь конюхами. Работу организовывать. А что дорого, не переживай.

– Оно и верно. Чужие деньги считать – не разбогатеешь. Здоров буду – и денег раздобуду. Но я ж не про то! Я с конями да конюхами с закрытыми глазами работу организую! – огрызнулся Иван Ильич. – На что мне кругом электричество, словно в театре?! Лошадям хвосты крутить?

Иван Ильич сплёвывал под ноги. Отчасти он был доволен, хотя про себя иронизировал: ишь, начальник. «Это как же называться такому начальнику над лошадьми, кроме как конюхом? Пуцай и старшим. Все крутом нынче начальники, уже простым человеком быть не могли, только начальствуй над кем-нибудь. Каким же началом? Шишком али булатником?»

В бурной молодости заносило Ивана Ильича и в бурлаки. Бывал он в ватаге и водоливом, бывал и подшишельным. Всяким бывал. И у всякого своё имя было, чтобы по прозванию дело различать. «Не надо начальником называться, людей смешить. Хорошо было бурлачить, в молодости силушка молодецкая! Да тяжко! Так каждый день на тягость – довольствие: хлеб, масло, мясо – какая без скоромного сила, хоть бы и пост? Семинаристы, бывало, в сезон ходили, рубали будь здоров, без того не потянешь. Ещё кожен день пай: сахар, соль, чай, крупа, табак. И заработок отменный! Сезон отбурлачишь – зимой лежи на печи, сало топи».

Видал Иван Ильич картину про бурлаков на Волге¹. «Оно ж видно, малевальщику на глаз шаромыжники попались. А маляр, видать, из интеллигентов, жалостивый, труда не нюхал. Оно, конечно, всегда человеку человека жалко, ежели не разбираться. А ежели разбираться – ещё жалче. Да только когда артель годная, таких не берут и в халтурщики. Бродяги какие-то беглые, родства не помнящие, а не серьёзная бурлацкая артель. Художник, видно, добрый барин, вон как Сашка Белозерский! Тому волю дай – весь сброд притащит, кто только строителем обзовётся. Хорошо, его батюшка не допустил к переделкам».

– Ты, Иван Ильич, никак боишься электричества? – смеялся Владимир Сергеевич.

Иван Ильич удалялся оскорблённым до глубины души, потому что он и вправду боялся электричества. Свет солнца, свет луны – он понимал. Это естественно.

– Молния тоже так любимый тобой *Fiat lux*², — окликал вдогонку Владимир Сергеевич.

– Вот и видал я, как ваша молния может обходиться со строениями. Пыщ! – и усё. А потом и нету никакого свету! – едко отвечал Иван Ильич, сопровождая речь красноречивой пантомимой.

– Не бойсь! У нас всё по уму!

– Дурак дураком погоняет – откуда ж по уму взяться? – бормотал госпитальный извозчик, которого за глаза теперь именовали «начконом». Саша Белозерский ляпнул, сократив «начальник конюшни», и прижилось. И Александр Николаевич теперь страшно боялся, что наружу выплывет авторство «термина», и тогда уж Иван Ильич ему задаст. Потому некоторое время он избегал встреч со своим любимцем и тёрся около рабочих.

– Не нравится мне, Матвей Макарыч, реакция твоих зрачков на свет!

– Барин, подай-ка мне вон ту штуковину.

Ординатор Белозерский бросился подавать. Принимая у него «штуковину», бригадир хмыкнул, в который раз поймав взгляд барина:

– Что ты, Александр Николаевич, мне в зенки пялишься, будто я тебе красна девица?!

– Матвей Макарыч, давай мы тебе профилактическое дознание учиним, а?

– Это что за зверь?

– Проясним, как у тебя со здоровьем.

– Мне и без ваших дознаний всё ясно. Я, слава богу, силищи немерянной. Как батюшка говорил, когда порол: такой, что сильнее разума. Царствие ему небесное. Жил-был здоров, а потом – раз! – упал! – два! – помер!

Бригадир перекрестился.

– Правильно говорил ваш батюшка. Вот я вас и уговариваю поступить разумно, несмотря на силищу. Ваши зрачки неверно на свет реагируют.

¹ Вероятно, Иван Ильич имеет в виду картину Ильи Репина «Бурлаки на Волге». Автор бы и рад оспорить высказанное Иваном Ильичом мнение, но промолчит из благоразумия и в силу великого уважения к мудрости госпитального извозчика.

² Да будет свет! *Lux* (лат.) – свет исключительно естественного происхождения.

– Лишь бы руки свет верно вели, а тут я дока. Отстаньте от меня, доктор! Вон ваша публика идёт.

По коридору несмело шла девушка, мертвенно-бледная, слегка покачиваясь. В весьма скромном, но чистом одеянии. Бригадир, очевидно, было жаль бедную девушку.

– Идите, идите. По вашу душу. Хорошо, что есть куда рабочему человеку со своей нуждой прийти. Многое вам за то простится, доктор. А я здоров как бык! Вы на меня заботы не тратьте!

Матвей Макарович занялся своим делом. А Белозерский – своим.

– Здравствуйтесь! На что жалуемся? – эту формулу он пробормотал механически, в два прыжка достигнув девушки, сползающей по свежевыбеленной стенке, сравнившись с ней цветом. Саша подхватил её на руки, умудрившись наступить в ведро с краской, цвет которой бригадир именовал «половое бордо».

– Ёлки-палки, зелёные моталки! – со злостью и досадой пробормотал младший Белозерский с отцовскими интонациями, отшвыривая ведро. И это никоим образом не касалось ни испорченного башмака, ни разлитой краски. Знакомый запах *особенной* крови – вот что рассердило ординатора, чей талант акушера-гинеколога был признан даже суровой Матрёной Ивановной Липецких, главной сестрой милосердия университетской клиники «Община Святого Георгия».

Александр Николаевич понёсся в кабинет, оставляя за собой кровавый след. Бригадир молча кивнул подсобнику: «Что застыл?! Прибери!» Тот мигом спрыгнул с козел, чертыхнув барчука за неуклюжесть:

– Чего он не смыл-то бегом?! Потом не возьмёт! У него ботинки, поди, дороже меня стоят.

Бригадир покачал головой: он понимал, почему барчуку не дороги ботинки. Не потому, что следующие купить не заржавеет. Не потому, слава богу, не потому! А потому, что верит чумовой барчук в своё дело. Матвей Макарович жил в твёрдой убеждённости: человек, который не верит в своё дело, должен оставить его. Бригадир верил в своё дело и оттого вернулся к электрической проводке. Но увидав, что подсобник неаккуратен, тут же окрикнул:

– Ты или учись, вражина, или уступи место другому!

Александр Николаевич был слишком хорошо знаком с тем, что произошло с пациенткой. С семнадцатого века в Российской империи аборт был приравнен к детоубийству. При Алексее Михайловиче Романове, Алексее Первом (Тишайшем), за аборт полагалась смертная казнь в полном соответствии с талионом – равным, симметричным возмездием, доступно изложенным в двадцать первой главе Исхода.

Сын его, Пётр Алексеевич Романов, заслуженно получивший прозвище Великий, слыл правителем жестоким, но смертную казнь за преступное плодоизгнание отменил. Однако до сих пор действовала 1462-я статья Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года, согласно которой виновными признавались лица как выполнившие аборт, так и сама беременная. И хотя сия проблематика неоднократно и громогласно обсуждалась, и правоприменительная практика наказаний за аборт была не так уж и велика (если в принципе было бы возможно сосчитать бесчисленное количество совершаемых подпольных плодоизгнаний и абразий и сравнить с реальным количеством судебных процессов и наказаний), но сейчас перед Александром Николаевичем стояла непростая этическая дилемма.

Как врач и как человек он обязан помочь женщине, спасти её. И... донести на неё как добропорядочный гражданин и, как это ни странно, опять же как врач. Понятно, что процедуру делал бог весть кто, какая-нибудь бабка, в лучшем случае – повитуха. Если он не донесёт на несчастную, а лишь справится здесь, в университетской клинике, с последствиями дурно выполненной операции – он имеет все шансы лишиться лекарского звания, лекарской должности и отправиться в места не столь отдалённые, ибо наличие медицинского образования

и разрешённой докторской практики в соответствии с Уложением являлось обстоятельством отягчающим. Да, вот так. Случайную безграмотную ослицу, губящую женщин неумелой процедурой, могут пожурить и отпустить, коли дело будет предано огласке. А дипломированный врач, благодаря знаниям и трудам которого женщина останется не только жива и здорова, но и репродуктивно пригодна, – имеет все шансы лишиться не только работы, но и свободы.

«Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром...» – назойливо и не к месту крутилось у Саши Белозерского в голове, пока он принимал решение. Точнее, обдумывал реализацию. На решение у Александра Николаевича ушло примерно... Ни в одном учебнике физики нет единиц измерения скорости мысли. Сразу пришло, мгновенно: сделать по уму, спасти, вылечить. Но не здесь. Не в государственной больнице, которая сейчас в состоянии ремонта. Срочно нужен Иван Ильич!

В кабинет амбулатории просунулась Ася:

– Александр Николаевич, Вера Игнатьевна велела прибыть на совещание...

Саша в момент оказался у дверей, перекрыв обзор. Ася добра, умна и хороша, но если увидит женщину без сознания, с окровавленным подолом на кушетке – тотчас же разнервничается, разохается, разжалеется. Этого не надо. Ординатор Белозерский уже ввёл всё экстренно необходимое, у него есть время. Велела так велела. Княгиня Данзайр долго заседания не проводит, не уважает напрасные словоблудия.

– Анна Львовна, бегу! Попросите Ивана Ильича запрячь.

Белозерский буквально вытолкнул Асю в коридор, а дверь кабинета амбулаторного приёма замкнул на ключ, что удивило её. Тем более она успела заметить на кушетке женщину.

В кабинете профессора Вера Игнатьевна Данзайр воцарилась на правах полноправной хозяйки. Профессор Хохлов официально сдал полномочия руководителя клиники из рук в руки, как и обещал. Он не из тщеславия ждал клинической конференции, зная, что случаи, предложенные к докладу, произведут фурор и значительно облегчат проведение ряда формальных бюрократических процедур в соответствующих департаментах. Вера при всём своём блестящем уме не до конца осознала, насколько трепетно оберегал её Алексей Фёдорович, друг и учитель, а после спасения его племянницы – и *ондзин* княгини. Очень уж понравилось ему это японское словечко.

Необходим был громкий успех, чтобы настоящим делам хоть сколько-нибудь перестали мешать дела бумажные. Алексей Фёдорович Хохлов всеми фибрами души ненавидел бюрократический аппарат и полагал – считая, что полагает справедливо, – что если бы все бюрократические институты были когда-нибудь упразднены, то люди продолжили бы жить-поживать, плодиться и размножаться, и ничто во вселенной не изменило бы обыкновенного течения. Профессор понятия не имел, что высказывает идеи анархизма, и, наверное, согласился бы с Иммануилом Кантом, что безвластие никак не поможет гражданскому процветанию, поскольку закон без власти будет лишь пустой рекомендацией, что анархия способна искоренить зачатки добра, что нравственность, проповедуемая Новым Заветом, не всеобщая и даже не преобладающая, и что лишь ветхозаветная законность способна сохранить мало-мальски правомерное устройство общества. И что матерью порядка, в соответствии с Пьером-Жозефом Прудоном, свобода способна стать только при *положительной* анархии – то есть только в таком состоянии общества, когда людей нравственных больше, нежели безнравственных. Да только Алексей Фёдорович Хохлов не читал ни Канта, ни Прудона. И удивительным образом никак не связывал институты бюрократические с институтами властными. Удивительно для такого светлого ума. Видимо, настолько выводила его из себя всякая *бумажная* необходимость, что в этом месте у него случался сбой.

Его нетерпимость ко всякого рода бюрократии нередко приносила ему неприятности, но фатальные – никогда. Поскольку профессор Хохлов был человеком нравственным, чистым,

честным, неспособным на то, что ему не раз пытались вменить в связи с несообразным документооборотом. Так что в глубине души, как ни стыдно ему было признаваться в этом даже самому себе, он испытывал огромное облегчение в связи с тем, что груз финансовой и документальной ответственности переложён теперь на плечи Веры Игнатьевны. Отнюдь не хрупкие и в размахе совсем не женские. Он тут же ругал себя за такие мелочные мыслишки и был готов по первому зову прийти ей на помощь во всём, что касается бумажных отчётов.

– Видимо, для того, чтобы внести в них чудовищный хаос! – смеялась Вера Игнатьевна в ответ на такие горячие заверения. – Мне достаточно знать, что вы рядом, мой дорогой учитель. Читайте лекции, больше времени проводите с семьёй. Соскучитесь – добро пожаловать в операционную и к кровати больного. Но от вашего вмешательства в бумаги – избави боже!

Вера Игнатьевна, признаться, сама не терпела бумаги, в особенности финансовые, и передоверила всё документальное ведение реконструкции Владимиру Сергеевичу Кравченко. Княгиня же полностью приняла на себя административные функции, помимо всех прочих, которые никому не скинешь, поскольку и желания такового не имеешь. Ей нравилось быть главой клиники. Не потому, что Вера была тщеславной. Она была честолюбивой. И как все честолюбивые – сильные и ответственные – люди, считала, что только под её руководством всё пойдёт именно так, как задумано и как должно идти. Величайшее заблуждение всех твёрдых характером и крепких умом и телом людей. Впрочем, не будь таких индивидов на свете и собственных только им заблуждений, кто знает, нашёлся ли бы тот, кто произнёс бы: «*Fiat lux!*»

Вера Игнатьевна собрала рабочее совещание, поскольку реконструкция близилась к завершению и уже скоро обновлённая клиника будет готова приступить к работе, а всё это требовало определённых структурных изменений. Профессорский кабинет в настоящий момент более походил на склад – сюда были перенесены мебель, книги, наглядные пособия. На плечи скелета был наброшен халат – профессор Хохлов никогда бы не одобрил подобного отношения к человеческим костям, а Вера Игнатьевна попросту не придавала этому значения. «В этом не было ни малейшего неуважения к плоти, напротив. Если задуматься, то и мы не ходим голыми, а если и ходим – то у нас на скелете есть мышцы и кожа». Эти глупые мысли лезли сейчас в голову Георгия Буланова, безногого инвалида, довольно скоро управившегося с протезами.

Он скромно держался в уголке с тросточкой – как раз около приодетого скелета. Он чувствовал себя не в своей тарелке из-за обилия в кабинете людей в белоснежной униформе, великолепного знака отличия их от простых смертных. На него никто не обращал внимания, и это его немного сердило: ишь, важные какие! Он уговаривал себя ни в коем случае не выпускать себя из узды, не изображать юродивого, шута. А быть достойным гражданином, который смотрит другим не в седалища, а в глаза. Спасибо Их высокоблагородию!

– Через неделю, коллеги, состоится официальное открытие клиники. Благодаря нашим академически признанным успехам и щедрости нашего финансового партнёра, купца Николая Александровича Белозерского... И вот тут мы все должны понимать... – профессор строго обвела всех взглядом, отметив, что среди собравшихся нет Александра Николаевича. Нахмурившись, она кивнула Асе. И та даже не подошла к княгине, сразу поняв, что та хочет. Вернее – кого она хочет. Ася выскочила за двери и отправилась за ординатором Белозерским. – Мы все должны понимать, что просыпавшиеся на нас деньги – не цель, но средство!

Некоторое время Вера Игнатьевна говорила собравшимся об уже произведённых изменениях, хотя почти весь коллектив был в курсе, но сводный порядок никогда не бывает лишним. Затем перешла к кадровому составу. В кабинет вошёл Белозерский, умудрившись тут же обрушить пирамиду из стульев. Бросился поднимать, извиняясь за опоздание, и был удостоен возмущённого взгляда Матрёны. Вера ограничилась кивком, не прерывая речи.

– Заведовать сёстрами милосердия будет, как и прежде, Матрёна Ивановна Липецких.

Матрёна самодовольно, если не сказать надменно, усмехнулась, будто кто-то ещё, кроме неё, мог претендовать на это место! Но от Веры Игнатьевны не скрылась и мимолётная расстроганность Матрёны Ивановны: мало ли что могло произойти в связи с переменами, спасибо, что сохранила место за мной!

– Анна Львовна Протасова назначается на испытательный срок старшей операционной сестрой, – Вера Игнатьевна оглядела кабинет. Ася пока не вернулась. Непонятно. Белозерский здесь. Вера чуть нахмурилась. – Матрёна Ивановна, передадите вашей протеже о её серьёзнейшем назначении.

Матрёна смутилась, про себя подумав, что задаст Асе трёпку. Сколько можно за неё краснеть!

– Руководить административно-хозяйственной частью и заведовать терапией будет доктор военной медицины Владимир Сергеевич Кравченко. Дмитрий Петрович Концевич получает повышение, – Вера Игнатьевна посмотрела не на Концевича, а на Кравченко, поскольку именно он лоббировал интересы ординатора сверх штата. – Отныне Дмитрий Петрович – штатный ординатор-терапевт, с соответствующим жалованьем.

Дмитрий Петрович кивнул с тем равнодушием, что нельзя было утверждать наверняка, нёс ли этот жест хоть какую-то нагрузку помимо этикета. Белозерскому наконец удалось собрать стулья в шаткую кучу, не похожую и отдалённо на прежнюю ладную пирамиду. Заметно нервничая, он опёрся на неё, чтобы перевести дух, и... вновь с грохотом обрушил. Кто стоял рядом – отпрыгнул. Матрёна скривилась, жестом дав понять Александру Николаевичу: не трогай Христа ради, сама! Белозерский послушно сделал три шага назад и... уронил вешалку. Все поневоле рассмеялись, кроме самого Александра Николаевича, что было весьма удивительно. Он был будто не здесь. Вера Игнатьевна знала его достаточно хорошо, чтобы понять: конкретно сейчас он чем-то увлечён настолько, что даже следующая новость никак его не затронет.

– Александр Николаевич Белозерский назначается старшим ординатором и главой акушерского департамента. Мне хотелось бы отметить особо, что доктор Белозерский самолично предложил структуру соответствующего отделения и внёс бесценные предложения по планировке. Вы свободны, Александр Николаевич!

Саша, к удивлению присутствующих не осознавший своего триумфального карьерного взлёта и оценок княгини, рассеянно кивнул и выскочил за дверь. Вера Игнатьевна сохраняла спокойствие. Все недоумённо переглянулись. Георгий, воспользовавшись непонятным замешательством, пришёл на помощь Матрёне, сражавшейся со стульями, никак не желавшими составляться в пирамиду.

– Главой! Главой акушерского департамента он назначается! – прошипела Матрёна Георгию, просто чтобы хоть с кем-то поделиться. – Чтобы у той главы ещё голова работала! Где же ему другими-то органами управлять, когда глава со своей головой не в ладах!

Георгий искренне рассмеялся не столько потому, что знал барчука, сколько потому, что заинтересовался Матрёной Ивановной.

– Хирургической частью, равно как и клиникой в целом, руковожу я, доктор медицины, профессор Вера Игнатьевна Данзайр. Господа Нилов и Порудоминский приняты в ординаторы сверх штата, поздравим их с успешной сдачей экстерном лекарского экзамена. А равно и господина Астахова, решившего посвятить себя важнейшей из медицинских наук – патологической анатомии. Так что и его мы будем частенько видеть в прозекторской клиники.

Вера инициировала аплодисменты, дружные, искренние: вчерашних студентов-полулекарей – сегодняшних начинающих врачей – здесь любили. Переждав, она продолжила:

– Я хочу представить коллективу моего персонального ставленника, Георгия Романовича Буланова. Наш новый санитар, прошу любить и жаловать. Полный кавалер Георгиевских крестов, герой русско-японской кампании и...

Вера мельком отметила молящий взгляд Георгия. Но она и не собиралась афишировать его безноготь. Не для того она вытаскивала его из крошечного ада жалости, чтобы с размаху окунуть обратно. Но более всего она отметила кривую гримасу Концевича, мимолётную, но ей хватило.

– ...И просто замечательный человек! – Вера Игнатъевна выдержала паузу. – Неудача войны, дамы и господа, не повод кривиться в сторону её реальных героев. Присутствующим здесь известно... Впрочем, это общеизвестно, что именно я выступала с резкой критикой иных аспектов проведения кампании.

Но не вы, чистенькие господа! – Вера открыто посмотрела на Дмитрия Петровича. – Не вы шли на шквальный огонь. Не вам и рожи кривить! – Вера Игнатъевна договорила, глядя прямо в глаза Концевичу.

Он не отводил взгляд, но удивительно, насколько нейтральным был это взгляд. Помимо воли княгиня восхитилась, как восхищаются пытливые учёные умы, столкнувшись с чем-то необыкновенным, пусть и не со знаком плюс. Природа такова, что плюсы всегда уравновешиваются минусами. Можно как угодно относиться к минусам, но отрицать их не стоит. Всё ли в природе имеет заряд или, иначе сказать, направленность? Скорее всего – и такие гипотезы существуют – есть и так называемый балласт, чья нейтральность всего лишь вспомогательный инструмент превращения одних веществ в другие, и собственного направления, своего заряда у подобных частиц мироздания нет.

Свежие открытия Ойгена Гольдштейна³ и Джозефа Томпсона⁴ дали толчок, и уже существуют свежайшие уточнения и дополнения, физики стоят на пороге чего-то огромного, пугающего, подобного открытию вселенской тайны... Впрочем, ещё Демокрит и Левкипп довольно подробно теоретизировали атомистическую космологию. Как бы ремесленники, взявшись за практику, не натворили бы бед... Вера усмехнулась, поймав себя на том, что один в один мыслит, как Иван Ильич, полагающий, что электричеству положено быть в молнии, а не сортиры освещать. Так плюс, минус или балласт Дмитрий Петрович Концевич? А она сама? А Саша Белозерский? Какая разница. В кабинете повисла тишина. Ох уж эта скорость мысли!

– Герой войны и надёжный товарищ, Георгий Романович Буланов – новый санитар клиники «Община Святого Георгия».

Георгий несколько смущённо поклонился на все стороны, схвативши за руку Матрёну Ивановну. Представление застало его за устройством стульев в пирамиду, его качнуло, и он безотчётно вцепился в сестру милосердия, отметив, как крепки её мускулы. Матрёна не стала стряхивать с себя мужскую руку, почуяв, что конкретно сейчас это не мужское, но лишь искажение товарищеской поддержки. И поймала себя на том, что жалеет, что это не мужское.

– Одно же из самых главных нововведений, если не самое главное, к которому нам всем придётся привыкать... всем, включая меня, – Вера Игнатъевна иронично усмехнулась. – Клиника отныне оказывает помощь не только малоимущим, но и состоятельным пациентам. Пока достраивается «богатое» крыло, мы откроем амбулаторный приём для дам и господ, разумеется, с другого входа. И с иным антуражем. Равно нам придётся изменить привычное поведение. Не стройте недовольные лица, коллеги! – княгиня пришла в несколько раздражённое состояние. – Я понимаю, дамы и господа, что общаясь с нашим постоянным контингентом, вы немного утратили... Мы! – акцентировала она. – Мы немного утратили представления об обхождении. И если я могла позволить себе в санитарном поезде орать на генерала Ромейко-Гурко и была в своём праве повышать на него голос для его же пользы, то здесь... С небедными в миру – совсем другие правила. Русский генерал или японский принц могли яростно оспаривать меня. Там, на войне. И там мы были равны. Но равенство на войне и равенство в

---

³ В 1886 году О. Гольдштейн продемонстрировал, что каналовые (анодные) лучи заряжены положительно.

⁴ В 1897 году Дж. Томпсон показал, что катодные лучи заряжены отрицательно.

миру – не тождественные равенства. Здесь и сейчас мы в миру, а не на войне – и всем, кто привык командовать или привык смотреть свысока на богатеев, считая их капризными, – и я не говорю, что это не соответствует истине... Тем не менее, нам придётся отныне абсолютно со всеми пациентами общаться на равных, со всеми «извольте-позвольте». А своё эго многим из нас – не скрою, в первую очередь мне! – придётся упрятать куда поглубже, мне не хотелось бы конкретизировать анатомическую локацию; полагаю, она всем присутствующим отлично известна.

Не бог весть какая шутка развеселила аудиторию.

– Я понимаю, дамы и господа! – серьёзно продолжила Вера Игнатьевна, предоставив собравшимся возможность посмеяться. (Этот нехитрый лекторский приём известен всем мало-мальски уважающим себя ораторам.) – И знаю, что это понятно собравшимся здесь: общаясь с нашим контингентом – обездоленными, как правило, напрочь, – мы утратили представления об общении «равный с равным». Точнее, не утратили, а низвели себя на уровень обездоленных. Или же возвысили. Тут как посмотреть, и я склоняюсь ко второму, – Вера помолчала, дав аудитории возможность осознать сказанное, прочувствовать. – Мы легко переходим на «ты», и благодарные фабричный, горничная, крестьянин легко переходят на «ты» с нами. Мы с вами все здесь некоторым образом квакеры. Для нас не существует разницы между людьми, перед нами, как и перед Богом, все равны. Это прекрасно. И тем, в ком это есть, настоятельно рекомендую беречь это в себе. Но отныне мы вынуждены будем делать поправку на социальный, сословный и материальный статус и с каждой капризной дамочкой вести себя в соответствии с её представлениями об этикете.

– То есть как обслуга! – хмыкнул Концевич. – Состоятельные господа именно так и воспринимают врачей – обслугой.

– В каком-то смысле, Дмитрий Петрович, это так и есть! – довольно резко отреагировала Вера. Потому что Концевич был прав. И самых лучших людей порой приводит в ярость именно правота, и ничего нельзя поделать с этим. – Но если вас оскорбляет слово «обслуга», вспомните однокоренное ему слово, которое больше придётся по нраву человеку чести: служение.

– Служить бы рад, прислуживаться тошно⁵, – пробормотал ординатор и удостоился презрительного взгляда Владимира Сергеевича Кравченко.

Вера Игнатьевна отметила этот взгляд, немало её удививший, что она, разумеется, не показала. Чем господину Кравченко Грибоедов не угодил? Или ему не угодил Грибоедов в исполнении Концевича? А вот это уже интересно, учитывая, что именно Владимир Сергеевич ходатайствовал на предмет продвижения Дмитрия Петровича. Ходатайствовал весьма холодно и равнодушно, но тем не менее – ходатайствовал. Что-то существует между этими несхожими людьми, но ни значения, ни причин этого Вера не могла определить. Просто чувствовала.

– Полагаю, нет смысла интересоваться, есть ли у собравшихся вопросы, поскольку вопросов много. Что-нибудь важное произошло на амбулаторном приёме?

Вопрос повис в воздухе. Ни Белозерский, ни Ася так и не вернулись, а именно эта парочка несла амбулаторную вахту почти круглосуточно. Сестра милосердия – скорее, по факту проживания при клинике. Белозерский же – от неуёмной энергии.

– Все свободны! – распустила Вера Игнатьевна публику. К ней тут же подскочила Матрёна и начала горячо докладывать, что шальной Белозерский ведро краски опрокинул, какую-то девицу на руки подхватив... И что рано его ещё заведовать ставить. И...

– И откуда ты всё знаешь?! – воскликнула Вера. – Ты же здесь была! Положим, «Этюд в багровых тонах»⁶ в виде ботинка и я заметила, как не заметить? Но остальное... Как, Холмс?!

---

⁵ Слова Чацкого, обращённые к Фамусову. Комедия Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума».

⁶ «Этюд в багровых тонах», известный и как «Красным по белому», «Красное по белому», «Багровый след», впервые был опубликован в 1887 году, так что Вере Игнатьевне не составляло труда прочесть его как в оригинале («Study in Scarlet»), так и в переводе. Первая публикация на русском датируется 1898 годом, вышла в декабрьском номере журнала «Свет» под

– Не знаю, какие тебе этюды на холмах, а у твоего любимца на лице всегда всё прописано. Или опять шкodu какую учинил. Или вот-вот собирается.

Георгий, оставшийся в кабинете, усмехнулся.

– Иди вон нового санитара в штат оформи и расскажи ему как да чего! Вместо того чтобы по лицам читать! Тоже мне нашлась, физиогномист-самоучка! И ты тоже, ухмылку сотри! – это предназначалось Георгию. – Поступаешь под начало Матрёны Ивановны. Меня будешь с сыновней нежностью вспоминать, как под ней побудешь! – гаркнула княгиня, возрастом, признаться, никак не годившаяся Георгию в матери. Скорее уж он подходил ей в старшие братья.

Рассердилась княгиня потому, что Матрёна была права. Не надо особо уметь читать по лицам, чтобы понимать: Белозерский точно что-то натворит, если за ним не проследить. Если уже не натворил... И вообще! Чего это она так разговорилась сегодня? Никак влияние профессорской должности и кабинета. Как в бессильной ярости возмущался Хохлов: «Если б не было дел, я не видел бы необходимости в существовании департаментов, но парадоксальным образом существование департаментов тормозит ведение дел и совершенно подменяет собой существование людей, ради блага которых и созданы департаменты, призванные облегчать ведение дел людских! Всё-то у нас через то самое место! Не хотелось бы мне уточнять его анатомическую локацию, всем вам отменно известную!»

Ох, грехи наши тяжкие. Всем нам хочется превзойти своих наставников. Нам кажется, что мы справимся лучше них, только поставь! Пока мы не сменяем их коренником в оглобле. И первое, что мы осознаём, будучи запряжёнными под заветной дугой: мы – тягловые животные, ошибочно полагающие себя кучерами.

Глава II

Клюква мигом была запряжена. Если Сашке Белозерскому срочная надобность – разговору нет. Иван Ильич любил барчука.

И если тому что-то надо скорее бегом, тайком от Веры Игнатъевны, то извольте. И Веру Игнатъевну покрывали, и такое случалось. Эти двое – добрые. А что шальные, так то у одного по молодости, а у другой уж до смерти, и такое бывает. Александр Николаевич-то со временем остепенится, тут достаточно на их батюшку поглядеть. Характер останется, понятно. Однако разум заосновеет. А Вере Игнатъевне не выйти из шальных, очевидно. Хотя и поглядеть не на кого. Слышал кое-что Иван Ильич о её родителе... Ну, такое тоже не от великого смирения выкаблучивают, насупротив, от величайшей же гордыни. Другое что пушай нашёптывают под иконами мощам, а Иван Ильич жизнь знает не по писаному.

Размышления извозчика прервал молодой Белозерский, который стремительно выбежал из клиники с бледной девицей на руках. Ася, любовавшаяся новой госпитальной каретой, ахнула, заметив юбку, пропитанную кровью.

– Вы, Анна Львовна, никому ни гу-гу! – доверительно понизив голос, сказал свеженазначенный глава акушерского департамента, исчезая в недрах кареты.

Иван Ильич вскочил на козлы и рывкнул:

– Пошла!

Клюква не обратила внимание на грубость. Она знала: окрик предназначался не ей, а бестолковой сестре милосердия, с которой и прежде что-то было не так, а теперь и вовсе. Но лошадям такое неинтересно.

– Ты, родимая, мне не выдёргивай! Я всё тебе сам справлял, нигде тебе не жмёт и не трёт! А барин наш – дурак, хоть и умник. Я-то – могила, а вот Аська наша, сколько ей ни говори не гулить, однако кто поласковой али построже – найдёт, как спросить. Она и не поймёт, чего и кому ляпает. Будто сам на сам не мог мне сказать. Или что ли, Аська по клинике шарахалась, как неприкаянная? Это с ней последним временем всё чаще. Чего с ней такое?

Клюква недовольно всхрапнула и пошла рабочей рысью.

– Аккуратно иди! Понятно, чего к доктору до хором везём.

Карета выезжала со двора, когда на крыльцо вышла Вера Игнатъевна. Внимательно глянула вслед. Отошла в сторонку, прислонилась к стеночке, достала портсигар, закурила, прикрыла глаза. Несколько блаженных затажек в тишине. Всё суета сует и всяческая суета, которая множится и множится. Теперь она не просто врач и даже не руководитель клиники. В связи с выгоднейшей – спору нет! – коалицией с Белозерским Николаем Александровичем, она тоже своего рода фабрикант, со всеми вытекающими донесениями, докладами, отношениями, предписаниями и предложениями. Княгиня приняла это. Вдруг ей вспомнилось, как всегда непоколебимо вежливый Евгений Сергеевич Боткин прикрикнул на пациента: «Не кричи, печёнка лопнет!» Это было не так давно, но словно несколько жизней назад. Это было на войне. На войне Евгений Сергеевич, способный, казалось, на конструкции исключительно «будьте любезны», «позвольте» и тому подобные, эволюционировал и приспособился к условиям военного времени. Она княгиня, чёрт возьми, и нынче обязана сообразовываться с миром.

Всего два года длилась война... Или Вера с детства на войне? Вдруг именно она сама намеренно превращает всё пространство вокруг себя в битву? Нет, она не отравлена верованиями японского принца. Просто они куда лучше легли ей на душу, чем всё, чему её с рождения учили. Учили, что бог есть любовь. Но всё, что она видела и наблюдала, вступало в вопиющее противоречие с этим уложением. Что есть бог и есть ли бог вообще? Но если бог есть, то и у

бога есть путь. Это было понятно и разуму Веры, и душе Веры. Путь – вот что было по сердцу Вере.

Дверь распахнулась, и на крыльцо павой выступила Матрёна с двумя чашками чаю. Кто же так любезно придерживал створ? Ох ты, ах ты! Вера не сдержала улыбки. Ещё не так давно безногий нищий инвалид, отрицавший жизнь, кавалер Буланов собственной персоной. И Матрёна, ишь ты, раскокетничалась. Дождалась, пока Георгий раскурит папиросу, подала ему чашку, искря карим глазом. Сто лет её Вера такой не видела. Или никогда.

– Как же вы, Георгий Романыч, с тростью-то санитарить собрались?

– Сия палка, Матрёна Ивановна, почитай, больше для шику. Я так, хромаю разве слегка. Мне ноги не кто-нибудь лечил, а сама Вера Игнатьевна! – Георгий кивнул в сторону княгини и весело подмигнул ей.

Вера усмехнулась: петух ты гамбургский, не смотри, что полный кавалер Георгия!

– Сильно вам ноги ранило? – сочувственно спросила Матрёна.

Георгий молчал. Вера прислушалась. Хотя она знала, что будет дальше. Слишком уж много сочувствия было в тоне Матрёны. Сестра милосердия всегда готова сострадать. А мужчинам чаще всего нужна любовь. Или хотя бы путь.

– Пустяк. Самую малость, – равнодушно бросил Георгий.

«Ой, дурак!» – Вера позволила себе прищуриться, едва сдерживая смех.

– Ты, Матрёна Ивановна, его работой нагружай, а не чаями потчуй! – крикнула Вера.

На крыльцо выскочила сверх меры оживлённая Ася.

– Матрёна Ивановна, новое бельё привезли! Роскошное! Ой, какое знатное бельё! Такое, что и царевнам в приданое не стыдно! Идёмте, идёмте скорее разгружать, принимать.

– Что голосишь, заполошная?

Матрёна рассердилась на себя, а может, на Веру. За то, что та стала невольной свидетельницей её слабости. Слабости к мужчине. Чего Матрёна не позволяла себе давным-давно, хотя ей нравился Иван Ильич. Но нравился так, как любят бабы: прислониться. А вот при виде Георгия Матрёна вдруг вспомнила, что она женщина. Нестарая. И, помнится, привлекательная. Женщина, не баба. Чертовка Вера ей не раз об этом говорила и, получается, оказалась права. Кого же не смутит чужая правота на собственный счёт?! Но на Вере не сорваться, другое дело – Ася.

– У нас в сестринской можно курить. С чаем, – пролепетала Ася. И, внезапно слишком игриво рассмеявшись, заскочила обратно в клинику.

Что-то не так было с Асей. Вера отметила это, но не могла сказать, что именно. Лишь недоумённо переглянулась с Матрёной – и сейчас их взгляды были профессиональным разговором. Матрёна махнула рукой, мол, ерунда, зашла в клинику. Бросив на Веру Игнатьевну преданный собачий взгляд, молящий и виноватый, Георгий последовал за сёстрами милосердия.

«Мне-то что! – усмехнулась Вера в закрытую дверь. – Сам вляпался, сам и выворачивайся. Ты – взрослый пёс. Мне и молодого щенка под патронатом – во!» – Вера Игнатьевна ребром ладони резанула себя по горлу ровно тем самым жестом, что и городской Василий Петрович, как-то спасший Георгия от греховного исхода.

Вера Игнатьевна оказалась у особняка Белозерских скорее, чем Александр Николаевич успел наделать глупостей самостоятельно. Глупости только тогда к пользе, когда совершаются в сговоре со старшим опытным товарищем.

Зная, что дверной молоток Василий Андреевич предпочитает звонку (к тому же именно сейчас верный слуга зорко сторожит входную дверь), Вера Игнатьевна от души несколько раз ударила по дубовому полотну кольцом, зажатым в львиной пасти. Вера представила, как преданный батлер окорачивает себя, дабы добиться максимальной естественности. Дверь скоро

распахнулась. Перед княгиней предстал Василий Андреевич собственной персоной, перегорев проход и слегка кося.

– Пятый угол ищешь, дружище? – Вера Игнатьевна чмокнула его в щёку, чем вынудила невольно посторониться. – Здравствуй, Василий Андреевич!

Когда тебя целует человек, тебе не безразличный, а точнее сказать, приятный донельзя, быть истуканом непросто. Но Василий честно попытался:

– Вера Игнатьевна, никого нет дома...

– А ты что же? Мебель?

Вера запросто вошла в холл особняка.

– Княгиня, не велено...

– Поговори мне ещё! – рыкнула Вера Игнатьевна. – Знаю, что дурака этого ты любишь больше, чем меня. Но я его тоже люблю. Возможно, меньше, чем ты. Но уж точно не желаю ему зла, которое он собрался сотворить в великой юродивости своей.

Она на ходу скинула Василию на руки пальто – он тут же отругал себя последними словами за непростительное: не помог княгине! – куда катится мир, если идеальный дворецкий забывает о таком, если мужчина не помогает женщине освободиться от верхней одежды!

– Вера Игнатьевна! – умоляюще воскликнул Василий Андреевич. – Обозлится на меня Сашка-то!

Вера остановилась, обернулась к преданному старому слуге:

– Ты ему попку мыл, азбуке учил, к коленке подорожник прикладывал. Не обозлится. Разве на меня. Так это не впервой.

К тому же, считай, сейчас я к его заднице крапиву приложу. Василий Андреевич! Я могу кому-нибудь в этом доме навредить?!

Дворецкий искренне мотнул головой, но испуг из его глаз никуда не делся.

– Хуже бабы, ей-богу! – проворчала Вера, рванув по лестнице, перепрыгивая через две ступени.

Меньше чем через минуту она колотила в дверь домашней клиники Александра Белозерского. Клиники, на которую он не имел законного права, но имел щедрые средства.

– Я же просил не беспокоить!..

Увидав Веру, Саша прикусил язык. Резким жестом пригласил её войти, сопроводив движение руки красноречивым выражением лица. Оглядев коридор, закрыл дверь и запер на ключ.

– Ася наябедничала?

– Саша, ты не представляешь, насколько ты – открытая книга. Ася мне ничего не говорила. Мне хватило твоего поведения в кабинете. И ботинка в краске. Смотрю, ты так его и не сменил. Притом, что ты в фартуке и закатал рукава. Значит, дело срочное.

Вера проследовала в смотровую, совмещённую с операционной.

Перепуганная девчонка, белая как полотно, в сознании – едва теплющемся, но и то слава богу, – лежала на операционном столе. Справа у ножного конца стола стоял инструментальный столик с полным набором профессионального абортмастера высочайшей хирургической квалификации.

– Вера! Это, в конце концов, частная собственность! – скорее по инерции, чем желая эффекта, продолжил Александр Николаевич. Запнулся. Вздохнул. Недолго помолчав, доложил деловито, как ординатор профессору: – Я уже выполнил внутреннее исследование. Матка объёмиста, мягка, дрябля, лежит низко, зев смотрит вперёд, очень близко от входа во влагалище. В наружном зеве большие неровности – свежие надрывы. Вследствие сильных болей точно проследить контуры матки мне не удалось. Выяснил: вся матка притянута немного вправо, подвижность ограничена; в левом и заднем сводах твёрдый экссудат, слева простирающийся на три пальца выше пупартовой связки. Наружный зев свободно пропускает палец, канал шейки расширен, поверхность полости канала имеет какие-то неровности, но палец безо всякого уси-

лия проходит на уровень внутреннего маточного зева в полость, наполненную – на ощупь – сгустками крови. В левой половине этой полости палец наткнулся на твёрдое тело, край которого напоминает щепку в изломе, с колющейся неравномерной поверхностью.

Вера внимательно слушала, надев фартук и отправившись обрабатывать руки. Девчонка, насмерть перепуганная, подала слабый голос:

– Я не умру?

– Непременно умрёшь. Но не сегодня.

Александр даже укоризненного взгляда на княгиню не бросил, он привык к её манерам. Она кивнула, и он продолжил:

– Желая определить размеры и направление этого тела, я стал осторожно обводить его пальцем, но почувствовал, что тело ускользнуло и погрузилось глубже. Но первоначальное ощущение твёрдого тела было для меня несомненно, я только недоумевал: что бы это могло быть?

– Веретено! – сказала Вера, посмотрев на пациентку: мол, подтверди, видишь, господин доктор мучается неизвестностью.

Та кивнула. У Саши глаза чуть не вылезли из орбит.

– Веретено? – растерянно прошептал он.

– Такому в академиях не учат? – притворно изумилась Вера. – Вы, Александр Николаевич, раз уж взялись за дело спасения в подобных случаях, изучили бы ремесло подробнее. Не бойся, бога ради! – обратилась она к молоденькой женщине. – Мы тебя в полицию не сдадим. Тебе-то только от четырёх до шести лет – всего лишь исправительных работ. А вот ему, – Вера кивнула на Александра, – благодетелю твоему! Ему – каторжные работы до десяти, ссылка в Сибирь, лишение состояния и практики! – последнее княгиня яростно проорала Саше в лицо.

– Я-то чего?! – опешил он.

– В таком-то статусе если застанут у тебя на дому... Догадайся! Ты ж её из клиники к себе приволок, желая спасти от наказания! Вы разве ничего не слышали и не читали о процессе доктора Пиотровича, малолетний вы долбо...б?! – Вера употребила слово, испокон веку на Руси определяющее хронических придурков, из раза в раз повторяющих тупейшие ошибки, берясь за глупое дело снова и снова. – Ах, простите, вы тогда были ещё совсем короткоштан-ным разгильдяем и учились в гимназии!.. Продолжай доклад, – резко сменив тон, распорядилась профессор Данзайр, приступив к выполнению наружного исследования.

Сглотнув обиду, ординатор Белозерский продолжил:

– Я стал выводить палец, но на уровне внутреннего зева нащупал отверстие, через которое попал в другую полость – без сомнения, на сей раз в полость матки. На стенке полости матки, как и на стенке шейки, имелись неровности в виде разрывов, идущих в глубь маточной ткани. Получалось тактильное ощущение проткнутых чем-то... теперь я знаю, чем... ямок, слизистая оболочка и мускульный слой продырявлены в разных местах до серозного покрова. Никакого содержимого в полости матки я не обнаружил. Выводя палец, я мог уже точно определить, что первоначальное отверстие, ведшее в упомянутую полость, помещалось в верхней части канала шейки слева, тотчас под внутренним зевом. Края этого отверстия рваные.

– Всё не так ужасно. Повезло дуре малолетней. Дай ей морфия, я вычищу как следует. И... как третье лицо, участвующее в деянии, получу всего лишь каких-то три года в исправительном доме. Возможно, в том же, куда отправится наша пациентка! Потому что доверия к таким у меня нет. Горничная?

Несчастливая кивнула. Губы её скривились.

– Не вздумай расплакаться! – прикрикнула на неё Вера. – Вы, оба! Запомните: аборт по неосторожности наказанию не подлежит. Вводи уже ей морфий, что тарацишься!

Вера была несправедлива. В ней всё ещё бушевал санитарный поезд. Саша всё приготовил и только ждал команды.

– Теперь ноги ей держи!

Вера подвинула винтовой табурет к ножному концу операционного стола, ловко подвинула его и взяла в руки маточный зонд.

– И кто бы тебе ассистировал?! Василия Андреевича кликнул бы? Старика, тебя вырастившего, под монастырь бы подвёл!

Саша покорно удерживал ноги пациентки. Он молчал, понимая справедливость слов Веры. Но весь он был воплощение обиды.

Тщательно проведя ревизию, Вера Игнатьевна расслабилась.

– Синяков бы ей наставить надобно. Хоть один чтобы натуральный.

– Зачем?!

– Ты правда не понимаешь трактовку словосочетания «аборт по неосторожности»? За то, что мы поколотили горничную, отделаемся штрафом. Как чистенькие господа. А то и вовсе пожурят. Она же и проболтаться может. Подруге. А подруги так часто ссорятся. Или ещё кому.

– Что ж она, враг себе?!

Вера Игнатьевна тяжело вздохнула и бросила красноречивый взгляд на пациентку на операционном столе. Несчастную. Бледную. Прерывисто дышащую. Вера воздела руки, окровавленные по середину локтя.

– Ну что ты, Саша, какой же она себе враг?! Просто дура.

Через полчаса Вера Игнатьевна и Александр Николаевич пили чай в приёмной домашней клиники. Молодая женщина лежала на диванчике, постепенно приходя в себя.

– Завари ей крепкого сладкого чаю! – распорядилась Вера. Саша бросился исполнять. – Фамилия и как звать? – спросила Вера у пациентки. Сейчас она казалась ей совсем не душой. Так что это был своего рода тест.

– Бельцева Марина, – после секундного колебания ответила та.

– Ты зачем в клинику явилась, Бельцева Марина?

– Думала, скажу: кровь сама пошла...

– А доктор, разумеется, законченный идиот и не сообразит про «щепку в изломе, с колющейся неравномерной поверхностью»! – едко процитировала она из внутреннего осмотра Белозерского. – Оно ж всем известно, откуда из бабы веретено произрастает! Сама догадалась или надомнил кто?

Марина Бельцева молчала.

– Врачу приходится не только распутываться в трудных ситуациях, но ещё играть в следователя, подозревать обман. И счастлив тот, кому удаётся сыграть эту роль лучше злосчастного доктора Пиотровича, на которого такая же неблагодарная дурёха, которой он спас жизнь, всё свалила! С больной головы на здоровую! Благо у нас и общественное мнение, и даже суд легче становятся на сторону бедной-несчастной страдальцы, имея вечно готовое предубеждение против врачебного звания. К тому же любой самый недобросовестный человек имеет в руках прекрасное оружие: доктор должен сохранять тайну больного. На чём Пиотрович и погорел!

Александр Николаевич поднёс Марине чай.

– Пообещайте мне, господин Белозерский, что вы поднимите подшивку журнала «Акушерство и женские болезни», орган акушерско-гинекологического общества, который вы, смею надеяться, выписываете. Поднимите подшивку за годы вашего голубого гимназического отрочества и прочитайте о незаслуженно осуждённом докторе Пиотровиче, который со всем профессионализмом и со всей лекарской честью вытащил из лап смерти бабу, подобную нашей Марине. А ему потом вменили «преступное участие» в выкидыше. Сдать «умелицу» страдальца не захотела, а прокурорскому надзору дай только напасть на врачей вообще и на некоторых в особенности, хоть бы они были героями, их объявят преступниками, лишат всего и...

Вера Игнатьевна внезапно замолкла. Слишком гневно. Слишком пафосно. На кого направлено это извержение? На горемычную Марину? На Сашку чистого и доброго, действительно искренне стремящегося помочь бедной женщине в труднейшем положении? Чего она так раскипятилась не по адресу?

– Марина, вы понимаете, что аборт в Российской империи приравнен к умышленному детоубийству?

Александр вовремя принял чашку из рук Бельцевой, у той хлынули слёзы из глаз, и она закрыла лицо ладонями.

– Я... я не могла оставить... ребёнка. У меня мужа нет! Я...

– Но кто-то же его тебе сделал! Я не про аборт! Я про ребёнка! Не от святого же духа, ей-богу! Надо было...

Вера не закончила, словно обессилев. Что «надо было»? Бессмысленная пошлая риторика. Княгиня сокрушённо покачала головой:

– Пустое. Прости, Бельцева Марина. Отлежишься здесь часок-другой. И... адрес этот забудь! Помни только, что этот человек тебя спас, – Вера кивнула на Александра, – и от гибели, и от наказания. Рискуя собственной глупой молодой шкурой. И если ты хоть когда-нибудь, не приведи господь, в пустом ли разговоре с любовником, с подружкой, с кем угодно – хоть что-то хоть кому-то!..

– Нет-нет, что вы! Я всё понимаю! У меня... у меня нет ни любовников, ни подруг. Меня...

Эта чёртова девчонка всё-таки разрыдалась. Александр Николаевич тут же бросился утешать её, всё же кинув на Веру Игнатьевну взгляд, исполненный укоризны.

– Марина, успокойтесь! Вам надо отдохнуть! Располагайтесь! Вы вольны провести здесь столько времени...

– Нет-нет, я не могу, мне надо идти.

– Уколи ей уже, бога ради, чего положено! – не то приказала, не то умолила Вера.

Расположившись в курительной, Саша и Вера пили огненный крепчайший кофе. Княгиня устроилась на диване. Александр сел в кресло, хотя весь его вид свидетельствовал: «Хочу быть как можно ближе к тебе». Сейчас это Веру Игнатьевну не забавляло.

– Поведать тебе историю Марины Бельцевой?

– Откуда ж вам её знать?! У каждого человека своя история, – постаравшись быть максимально надменным, бросил Александр Николаевич.

– У каждого человека своя, а у горничных – одна на всех, дружочек. Ты ж не забыл ещё Катеньку?

– Кто способен такое предать забвению?! – вскочив, воскликнул Александр и стал вышагивать туда-сюда под насмешливым, неуместным по его глубочайшему убеждению, взглядом Веры. – Катенька, царствие ей небесное, была ментально убогой. У Бельцевой совсем другая история...

– Ментальность разная, – перебила княгиня. – История одна. Не то хозяин, не то его вошедшие в возраст наследники, прости господи. Прекрати мельтешить!

Саша шлёпнулся на диван рядом с Верой и уставился в стену, раздражённый скорее её правотой, чем невозможностью что-либо изменить.

– Надо подавать в суд! – буркнул он.

– За что и на кого?

– За изнасилование!

– И как это доказать? А если и насилия никакого не было? Нет такой статьи, дорогой барчук: совокупилась с сильным мира сего, в силу неумолимых обстоятельств. Другое дело

– твой случай, мой дорогой. Ты понимаешь, что сами инструменты эти на дому держать преступно?! Как давно к тебе Лариса девочек посылает?

Саша подпрыгнул и снова принялся вышагивать, горячо защищая Ларису Алексеевну, хозяйку борделя, волею судеб подругу как Веры Игнатьевны, так и его самого:

– Лара не в курсе! Они сами! Как я могу отказать?! Они же тоже... Или сами будут пытаться выгнать, или к бабке пойдут. Вы знаете, княгиня, сколько в Российской империи гибнет...

– Поболе тебя знаю, щенок! – рявкнула Вера. Не дав ему времени на обиды, она продолжила командным тоном: – Ты больше этим заниматься не будешь! Набор профессионального абортмастера я изымаю у тебя для нужд клиники! – чуть смягчившись, добавила: – Ты и представить себе не можешь, каков везунчик! Ещё никто на тебя не донёс.

– Да кто же донесёт? – с искренним недоумением невинности пролепетал Александр Николаевич.

– Любая из девок, которой ты помог. Не со зла, а по отсутствию... – Вера постучала костяшками пальцев по лбу. – Или из ревности. Или ещё почему. Это же проститутки, Саша! Проститутки, господин хороший! Так что ты вместо этого промысла лучше ходи с револьвером по улицам и в детишек стреляй. Это для наших законов равнозначные деяния.

Откинувшись, Вера глубоко затаилась. Александр Николаевич, следуя переменам в настроении возлюбленной, почувствовал эдакое... *мужское*, естественно возникающее при виде желанной женщины. Княгиня посмотрела на него насмешливо:

– Серьёзно?! Сейчас? После такой процедуры и подобной беседы ты мне хочешь сказать что-то элегическое или, того хуже, страстное? Дитя ты и есть дитя великовозрастное! Эх, жаль у вас с Асей ни черта не выйдет, как бы вы оба ни постарались.

– Почему Ася? Зачем Ася? Вот сейчас, ты считаешь, очень уместно невинную девочку упоминать?

– Твоя невинная девочка – эмоциональный инвалид, как и ты. Только, в отличие от тебя, терзают меня сомнения, не подседа ли она на возбуждающие вещества. Слишком восторженная последнее время.

– Анна Львовна и всегда была восторженная. Это ты от ревности говоришь, да? Я помню, ты как-то сказала мне, что ревнуешь к Асе.

– Шутила, наверное. Или длину поводка проверяла.

– Вера...

– Всё, пошёл! Пакуй свою статью с конфискацией, в ящики заколачивай. Попроси Василия Андреевича запрячь, сама отвезу. А ты дома посидишь, с Бельцевой понынчишься.

Александр Николаевич бросился на диван и схватил Веру.

– Не хочу ни с кем нянчиться, хочу тебя! Раз уж ты ревнуешь к Асе, так и знай – мои чувства к ней исключительно дружеские. Хотя мы как-то с ней вместе провели целую ночь на дежурстве...

Вера легко вывернулась из объятий младшего Белозерского, более всего напоминавших борцовский захват. Он своим неразвитым чувством хватался за гипотетическую ревность княгини, как за спасательный круг.

– Я полагал, кто-кто, но вы, княгиня, даёте право на дружбу мужчине и женщине!

– Я-то? – Вера охотно подхватила его ёрничанье. – Я-то да! Да не все женщины, дорогой мой кобелёк, дают мужчине это право. Наша юная Анна Львовна точно не из таковских, и ревную я или нет – тут дело десятое. Если вообще дело.

Саша снова ринулся на неё с объятиями в порыве отчаяния. Отчаяния сладострастия. Они с ней занимались этим, бог ты мой, сколько тому назад! Отчего же она...

– Вы более месяца испытываете моё терпение!

– Ой, болван! Я не проститутка, Саша. Много других забот, не до того. Я не желаю. И пока я естественным образом не возжелаю... И потом, ну не здесь же.

– Папа в отъезде.

Вера Игнатьевна встала, отряхнув с себя Александра Николаевича. Глянула презрительно:

– Кобелёк ты и есть, ничего более. Это ты горничным шепчешь? Как и нашей незаконной пациентке какой-то барский сынок шептал.

Александр был оскорблён в лучших чувствах, что и постарался в полной мере изобразить на физиономии. Вера лишь усмехнулась.

– Никак у тебя в голове не соединится, да? – с сочувствием глянула она. – Потому что это не в голове, Саша. Это здесь, – Вера прикоснулась к его груди. – И здесь, – рука её передислоцировалась в область его солнечного сплетения. – И много где ещё. Но только не в голове и не между ног. И ты никак не поймёшь, почему не попадаешь в унисон. У тебя получится. Со временем, со временем... Не форсируй. Эта музыка не будет вечной, но пусть она не будет скоротечной.

Разозлившись, он выскочил за дверь.

Вера налила себе коньяку из хрустального графина. Присела на диван. Грустно усмехнулась, отсалютовав дровам в камине:

– Твой отец сперва бы разжёл огонь. Он знает, что такое унисон. И оттягивает момент неизбежности исполнения. А ты, Саша, просто милый болван. Как жаль... Как жаль, что я не такой же щенок, как ты. Я была бы счастлива. С тобой.

Пока Александр с Верой ляды точили, полагая, что их несчастная пациентка слишком слаба, чтобы унести ноги... Да и по факту рождения, вследствие воспитания, характера были не теми людьми, кто предполагает в подобных ситуациях сделать что-нибудь, не заручившись позволением или, как минимум, не поблагодарив и не попрощавшись. Так вот... Бельцева Марина унесла ноги.

Она довольно быстро пришла в себя. Боль, ею испытанная, и нервное возбуждение нивелировали действие наркотика скорее, нежели предполагал Александр Николаевич, исходя всего лишь из массы тела. Прислушалась. Тишина. Наскоро привела себя в порядок – благо добрые доктора, кто бы они ни были и какими побуждениями ни руководствовались, позаботились и об этом. Рядом с диванчиком на стуле была аккуратно сложена одежда, безукоризненно соответствующая всем параметрам. Василий Андреевич занёс её, полагая, что женщина, придя в себя, не сможет покинуть дом в своей прежней окровавленной. А Василию Андреевичу очень хотелось, чтобы горемычная покинула особняк Белозерских как можно скорее.

Бельцева отлично ориентировалась в устройстве подобных домов и потому безошибочно обнаружила людскую и тихо постучала. Вышел сам Василий Андреевич, поскольку решил провести совещание-обучение, вынести выговоры и раздать поощрения именно сейчас, чтобы прислуга не шлялась по дому. Велев всему штату оставаться на месте и ждать его, он выскользнул за двери.

– Прошу прощения, господин камердинер! – Василий Андреевич невольно поморщился. Он не был личным слугой кого-либо из Белозерских, он служил семье. Но бедная девочка не виновата! Он тут же ободряюще улыбнулся. – Вы не могли бы меня выпустить через чёрный ход?

Василий Андреевич кивнул и повёл Бельцеву на выход. Его разрывало от жалости к девочке. И от опасений за своего ненаглядного Сашу. Как это совместить сейчас?

– Ты это... Если в доме, где служишь, балуют – уходи!

– Куда же уходить? – Марина подняла глаза, мигом наполнившиеся слезами. – Это моё первое место. Куда я пойду без рекомендаций?

Василий Андреевич чувствовал себя чудовишно. Нелепым жестом он всучил горничной кредитные билеты, заранее приготовленные. Злясь на себя, рявкнул на девчонку:

– Куда-куда! Не кудыкай, счастья не будет! Куда-нибудь да можно!

Бельцева горько усмехнулась, будто лет ей было на тридцать-сорок больше, чем на самом деле, и решительно вернула Василию Андреевичу деньги.

– Спасибо, не надо! Мне в этом доме и без того помогли. Вы думаете, я совсем глупая и ничего не понимаю?! А баре и барчуки везде балуют. И не они одни. Управляющие тоже хороши бывают. Вы и сами, поди, горничных зажимаете! Вон здоровый какой, видный! – Марина специально говорила зло, чтобы не расплакаться из-за того, что здесь её жалеют. – Откажешь, так со свету сживёте или в краже обвините, – прошипела она, стараясь быть змейей. Но вышло – несчастным ужиком.

Василий Андреевич посмотрел на неё так ласково, так мягко, что раскаяние тотчас накапало на Марину: этого она точно обидела зря. Но нельзя позволять себе расслабляться. Толку-то, что этот не таков?! Есть хорошие люди, есть! Да, видно, не про её честь! И тут тоже нельзя Бога гневить.

Она дотронулась до руки Василия Андреевича, стараясь вложить в жест то, чего не выскажешь словами.

– Благодарствую. Пойду я. Вечером у господ бал. Как бы у хозяйки нервного припадка не стало! – последнее она произнесла язвительно, отдернув руку от Василия Андреевича. Поди, и он своих песочит почём зря!

Старый батлер выпустил юную горничную, перекрестив напоследок. В спину. В лицо не посмел. Она ни разу не оглянулась.

Вера Игнатъевна и Александр Николаевич спускались по лестнице и не подумали заглянуть в клинику – слишком мало времени прошло, чтобы беспокоиться о пациентке. Много-страдальная матка её сократилась хорошо – организм человеческий полон резервов, особенно молодой и здоровый; и чего тревожить лишний раз, пусть сил наберётся.

– Приходи ко мне вечером, – запросто сказала Вера. – Голова чуть разгрузилась, да и твои плотские фортеля даром не прошли.

Несмотря на её насмешливость, Белозерский вспыхнул от радости. Он так легко переходил от обиды к обожанию, что иной раз и не захочешь, а простишь, что «лужу в углу сделал или корешок у книги зубами обтрепал».

– Только хвост павлиний дома оставь! – чуть пригасила его костёр княгиня. Решив, что шипения как-то маловато, ещё плеснула: – Или в бордель занеси. И в клинике веди себя в соответствии с субординацией. Что касается Анны Львовны – говорю безо всяких ревностей, как взрослый разумный человек взрослому разумному человеку, как друг – другу, – или руку и сердце ей предлагай, или голову ей дружбами между мужчиной и женщиной не морочь. Она ещё до таких дружб не доросла. И слава богу. К тому же, как ты у нас есть слепой и глухой, так между нами, подружками, по секрету сообщу тебе: от неё совершенно потерял голову такой, казалось бы, закалённый взрослый мужчина, флотский офицер, не тюря – Кравченко Владимир Сергеевич. Не отвлекай эту тёлку слепощарую от прозрения в нужном направлении... Какого Володе это сокровище сдалось? Бог весть. Великолепная японская пословица гласит: когда есть любовь, язвы от оспы так же красивы, как ямочки на щеках.

– Ага! Любовь зла – полюбишь и... княгиню Данзайр! – Сашка саркастически сверкнул глазами.

Они спустились в холл. Навстречу выросла фигура Василия Андреевича. Что-то в нём заставило Веру насторожиться, хотя с виду это был всё тот же безупречный домоправитель.

– Сбежала? – Вера Игнатъевна скорее уточнила, нежели спросила.

– Мог бы удержать, но не стал.

– Ну а ты что?! – прикрикнула она на застывшего с гримасой разочарования Белозерского. – Ты же тут изображаешь гуманизм в прыжке над бездной, разделяющей бедных и богатых!

– Ничего я не изображаю! – взорвался Белозерский. В этот момент он был очень похож на своего батюшку.

– Полегчало? – съязвила Вера. Не дожидаясь ответного выпада, обратилась к Василию Андреевичу: – С подобными... пациентками не только твой ненаглядный Сашенька сядет. Но и отец его, Николай Александрович Белозерский, состояния и регалий-званий лишится! Должен же быть в этом доме хоть один разумный человек. На тебя, Василий Андреевич, одна надежда, – вдруг сникнув, Вера закончила совсем тихо.

– Я что могу?! – верный батлер пожал плечами. – Могу только рядом поселиться. С... поселением. Передачи дуракам носить.

Вера Игнатьевна и Саша были тронуты преданностью Василия Андреевича. Вера прилично погасила внешние проявления чувств, готовые вырваться, сарказмом:

– Хорошо хоть платят баре?

Василий Андреевич усмехнулся. Кивнул. Ответил с горькой иронией:

– Если как пособник не пойду, лет на двадцать банковского счёта на передачи хватит. Я экономный. Столуюсь здесь. Ни на что не трачусь. Семьи, кроме них, нет.

Вера крепко сжала плечо Василия Андреевича. Он был рад этому дружескому проявлению. Но мятежное состояние его не отпускало. Ему было пронзительно жаль ушедшую горничную, до боли в сердце, самой натуральной острой боли. Но если бы понадобилось, он бы самолично придушил её, если была бы угроза его Сашке или старшему барину. Это угнетало Василия Андреевича.

– Ты хороший человек, Василий. Перестань! Сними фрак немедленно!

Он повиновался без уточнений.

– Закатай рукава!

Княгиня надавила чуть выше запястья его левой руки, затем впилась сильным пальцем в центр ладони. Боль покинула грудь Василия Андреевича.

– Ну вот, молодец! Здоровый же мужик. Не толстый. Так что не давай мне тут истеричку по таким обыденным поводам, как нарушение законов. Или жалость к бесчисленным обездоленным девчонкам. Николай Александрович из Берлина вернётся, велю тебя обследовать. После того как самолично ему устрою за это всё! Вели мне запрячь, пойду инструменты этого оболтуса соберу, чтобы духу их здесь не было!

Саша потрусил за ней:

– А что ты такое ему сделала? И зачем?

– Ты и не заметил, что миокарду твоего любимого Василия Андреевича стало вкрай мало кислорода? Ай-яй-яй! Точки такие: си-мэнь и лао-гун. Си-мэнь – точка-щель ручного цзюэ-инь канала. Лао-гун – точка-ручей ручного цзюэ-инь канала перикарда. Ты же слышал о древнем китайском искусстве акупунктуры?

Это работает. Вместо того, чтобы аборты бордельным девкам на досуге делать, почитал бы «Канон основ иглоукалывания и прижигания» Хуанфу Ми.

– Ты и этому обучилась? Я полагал, ты только с японским принцем якшалась.

– Якшалась, якшалась. И с принцем японскими, и с крестьянами китайскими. Хотя Евгений Сергеевич Боткин назвал их «неблаговоными». Не вынесла его тонкая терапевтическая душа семилетних куриных яиц, консервированных в извести! – Вера хохотнула. – Хотя он и признал, что «китайцы имеют добродушный вид, некоторые даже недурны собой, к нам относятся с благодушием, но кто знает, что у них в действительности в душе». Это правда, и китайцы, не изменяя человеческой натуре, были разными. Одно могу сказать наверняка: русские были благосклонней к ним, чем японцы. У японцев другая ментальность. Другая духов-

ность. Другое всё. Много прекрасного другого всего. Как и у китайцев с их прекрасным искусством акупунктуры. Так что ты прав. С кем только я ни якшалась. Не якшалась я, Саша, только с хунхузами. И никогда с бандитами якшаться не буду.

– Это ты мне?! – в запале выкрикнул Саша и снова стал похож на мальчишку. – За то, что я занимаюсь запрещённым?

– Господи, какой же ты бандит?! Ты вовсе не преступник. Закон, запрещающий женщине распоряжаться собственной плотью и наказывающий её за то, когда ей и без того худо, – преступен. Ты просто-напросто дурачок. Прекраснодушный дурачок.

– Вечер-то не отменяется?

– Вот об этом я и говорю, – рассмеялась Вера, толкая тяжёлую дубовую дверь домашней клиники Белозерского.

Глава III

На заднем дворе Матрёна Ивановна и Георгий Романович развешивали бельё. Буланов держал огромную лохань, не дрогнув мускулом и не обнаруживая желаний поставить её на землю, пока Матрёна неторопливо расправляла на верёвке мокрые пододеяльники. Иван Ильич курил на своём привычном месте. Из клиники вышел Владимир Сергеевич:

– Ты куда мотал с утра пораньше?

– На кудыкину гору! – буркнул конный начальник. Его раздражал вид Матрёны, сияющей, как начищенный самовар. – Бабьего вранья и на свинье не объедешь!

– Разве Матрёна тебе что обещала? – усмехнулся Владимир Сергеевич. – Разве ты сам ей что говорил про свою... симпатию?

– Была бы охота, заметила! А с утра пораньше катал, куда господин Белозерский приказали.

– Ты, Иван Ильич, служебный транспорт, а не для господских нужд.

– Сынок благодетеля злоупотреблять не изволят! – прикинувшись кротким, срезал госпитальный извозчик.

– Ох, и языкаст же ты, Иван! – улыбнулся Владимир Сергеевич. – А как бабе слово сказать – немеешь.

– Кто бы говорил!

Иван Ильич уставился на Владимира Сергеевича. Тот поднял руки в примирительном жесте.

На крыльцо явился Концевич с докторским саквояжем. Бросил куда-то мимо Владимира Сергеевича и Ивана Ильича:

– По вызову в господский дом!

После чего проследовал в карету. Иван Ильич неспешно затянулся, тщательно затушил самокрутку, подмигнул Владимиру Сергеевичу, мол, не сердчай, мы с тобой друзья. После чего грубо выкрикнул в сторону Георгия:

– Эй, санитар! На вызов!

Георгий, поставив изрядно опустевшую лохань на землю, улыбнулся Матрёне и размеренно проследовал к карете.

– Поторопись! – рыкнул Иван Ильич. – Чай, я тебя не на кадрили приглашаю.

Новый санитар не отреагировал на едкость госпитального извозчика, он взбирался на козлы. Что-то смутило Ивана Ильича в манере – не так здоровенный мужик запрыгивает. Устроившись рядом, санитар радушно протянул Ивану Ильичу широченную сильную ладонь:

– Георгий Буланов!

Извозчик, вцепившийся двумя руками в повод, будто бы всей повадкой демонстрировал: не могу тебе руки подать – вишь, заняты! Он тронул, ответив холодно:

– Иван Петров! – помимо воли, из вредности (или из важности) у него вырвалось вдогонку: – Начальник! Начальник... живой тяги, во!

Георгий добродушно рассмеялся. Его открытый простой смех очень понравился Ивану Ильичу. Тем больше он озлился неведомо на что или на кого и сделал надменное лицо. Но долго фасон удержать не смог, потому что в голову ему пришла неуместная мысль: а не с такой ли точно рожей сидит сейчас в недрах новомодной кареты Дмитрий Петрович Концевич?

– Иван Ильич! – представился он ещё раз, искоса глянув на Георгия. Тот кивнул приятно. – Клюква! – указал он на лошадку. – Самая любимая моя баба. Чтоб ты знал.

– Буду знать! – ответил Георгий, ещё у белья сообразив, в чём тут дело. Новый санитар дал себе слово быть снисходительным к демаршам госпитального извозчика. Чтобы не под-

вести Веру Игнатьевну. И потому, что ехидный извозчик ему нравился. Чувствовалось, что мужик он душевный, хотя с виду чёрствый.

Ася действительно пребывала в восторженном состоянии сознания. Всё её радовало. И её *новое* назначение старшей операционной сестрой милосердия. Шутка ли?! И *новая*, полностью реконструированная клиника – вот, оказывается, как можно, если денег много! Что же могут позволить *себе* те, у кого так много денег, если они позволяют такое *для других*. Она напевала, распаковывая и раскладывая *новое* бельё, *новое* мыло, *новые* щётки, *новые* инструменты... Всё было таким *новым*, что словосочетание, слышанное Асей неоднократно, – «*новая жизнь*» приобретало совершенно *новый* смысл. У Аси в прелестной головке всплыло что-то, прочитанное в газете ли, журнале ли: «Россия ожидает, что лозунгом каждого станут слова: Я и моё право»⁷. У Аси есть её право на всё *новое*. Разве право носить модные платья и мужские брюки есть только у Веры Игнатьевны? Нет, такое право есть и у Аси!

Размышляя таким образом, если только сии экзерсисы позволительно назвать мышлением, и напевая популярный романс «Вот что наделали песни твои»⁸, она не сразу заметила Владимира Сергеевича, вошедшего в операционный блок. Он некоторое время не без удовольствия наблюдал за ней. Особо забавным было, что страстный минорный романс Ася исполняла, как малые дети поют: всего лишь повторяя за взрослыми или желая потешить родителей, не понимая толком слов, не ловя настроения. Очевидно, что не были милой Асе ведомы ни блаженство, ни горечь страдания, ни трепет сердечный, ни восторг ожидания. Со всей очевидностью она и понятия не имела, что значит «отказаться совсем от свободы, чтобы быть в дорогом мне плену».

Ася была безвинна и чиста... Или пусть, пусть Ася была пуста, как считает Вера Игнатьевна. Нет, ничего подобного княгиня не высказывала господину офицеру, но Кравченко и сам был достаточно чуток, чтобы, если угодно, читать мысли и чувства окружающих, и уж точно – мысли и чувства Веры Игнатьевны, человека яркого и внятного. Но отнюдь не невинного. Пустота не так плоха, если вдуматься. Главное: вовремя и аккуратно её заполнить.

Залюбовавшись Асей, задумавшись о своём, Владимир Сергеевич будто впал в кратковременное забвение.

– Как вы меня напугали! – весёлый оклик Аси вернул его из мифических садов Академа в грешную современность.

Ася была такая хорошенькая, юная, простая. В ней не было ежесекундной готовности к обороне, как в женщине пожившей и умной, вроде княгини. Даже то, что Вера Игнатьевна считала глупостью, для Кравченко было всего лишь детской неразвитостью ума, жадной младенческой пустотой. Со всей очевидностью Владимир Сергеевич увяз в своём чувстве к Асе. Она же его чувства попросту не замечала.

– Вам нужна помощь, Владимир Сергеевич? Вы хотите о чём-то распорядиться? Я к вашим услугам! – Ася шутливо поклонилась ему, как мушкетер, подметая пол воображаемой шляпой.

– Анна Львовна!..

Она так внимательно смотрела на него, ожидая рабочих указаний, что Владимир Сергеевич смутился. Кто делает признания в такой обстановке? «Вы всё принятое пересчитали и занесли в соответствующие ведомости и журналы? Кстати, я люблю вас, не изволите ли выйти за меня замуж, как только у вас окончится смена?» Не надо быть дворянином, не надо быть офицером, не надо быть врачом, чтобы понимать нелепость подобного.

---

⁷ Очевидно, нашей милой Асе попался в руки первый номер еженедельного журнала «Правовая жизнь». Этими словами и открывалось издание. Не будем осуждать юную сестру милосердия за несусветную кашу в хорошенькой головке.

⁸ Популярный в 1906 году цыганский романс М. Штейнберга на слова неизвестного автора.

– Всё ли в порядке, Анна Львовна?

– Всё чудесно, Владимир Сергеевич! – воскликнула Ася. – Я и моё право!

Господин Кравченко удивился. Ему был знаком гендиадис *Dieu et mon droit*⁹, утверждавший право монарха на корону, равно и игрища с этим девизом, где Бога с лёгкостью меняли на «Я»: *Moi et mon droit*¹⁰. Но откуда это в Асиной головке? Неужто у неё есть время читать этого рода периодику и ходить в подобного характера собрания?!

Но Ася продолжала безмятежно тараторить:

– Всё прекрасно! Великолепно! Мы с Александром Николаевичем всю ночь разбирались с новой пароформалиновой камерой. И с аппаратом Рентгена. У-у-у! Какой он умный! Я об Александре Николаевиче, – Ася рассмеялась. – Рентген, конечно, тоже умный. Он помог мне все-все инструменты распаковать. Не Рентген, Белозерский!

Владимир Сергеевич носом повёл на всякий случай, хотя это было невозможно: заподозрить Анну Львовну в употреблении спиртного. Она для этого слишком чиста, юна...

– Великолепно, когда есть деньги! – экстатически подытожила Ася.

Владимир Сергеевич смутился. Подозревать Асю в поклонении золотому тельцу ещё нелепее, чем в увлечении Бахусом.

– Нет-нет-нет! Я не к тому, что деньги делают человека лучше или хуже, – сестра милосердия не обращала внимания на эмоциональные метаморфозы Владимира Сергеевича, она, похоже, общалась с собой. – Просто... Просто как же это замечательно, что у нас вдоволь белья, перевязочных материалов, лекарств. Новые операционные столы! Все эти аппараты-агрегаты! А не будь денег... Мне-то самой ничего не надо, я довольствуюсь самым малым. Хотя... Хотя я тоже хочу и красивых нарядов, и путешествий за границу, как Вера Игнатъевна. И чтобы все меня любили, как княгиню.

– Веру Игнатъевну далеко не все любят, напротив. Врагов у неё куда больше, чем друзей. Я вовсе не желаю вам такого пути, как у княгини. Он непрост. Осознавая права, княгиня Данзайр осознаёт прежде обязанности. Она очень умная женщина.

– Ах, и вы её любите, и вы от неё без ума! Что ж такое-то! – совершенно беззлобно воскликнула Ася и выпорхнула из операционной. Донёсся её весёлый голосок: – Я за следующими коробками *нового*.

– Нет, Анна Львовна! Я люблю не её, – тихо сказал Владимир Сергеевич, улыбнувшись новому операционному столу.

Иван Ильич остановил Ключку у подъезда большого господского дома. Концевич вышел из кареты с саквояжем в руках и с равнодушным лицом направился к дверям.

Георгий удивлялся тому, что госпитальный извозчик дорогой не проронил ни слова. Обыкновенно эта публика невероятно разговорчива, за редкими исключениями. С одним из исключений он недавно познакомился. Вера Игнатъевна посылала с поручением к извозчику при борделе, Авдею. От него у Георгия морозом кожу драло. Не от страха – не из пугливых, а от неразгаданности Авдея. Георгий любил людей простых, понятных. Иван Ильич был именно из таких. А чего вдруг он с Георгием и колоть не колет, и пороть не порет, а торчит копылом, как деревянная рогатина наизготовку? Чёрт его знает! Может, опасается, что работу у него новый человек оттяпает? Надо на разговор его вытянуть. Иначе как узнать? С человеком бок о бок придётся, в одном окопе, надо разъяснить.

– Много у вас работы? – дружелюбно завёл Георгий беседу.

– Начнём и узнаешь! – отрезал Иван Ильич.

Повисла пауза. Госпитальный извозчик смотрел прямо перед собой.

---

⁹ Бог и моё право (фр.).

¹⁰ Я и моё право (фр.).

– Так, Иван Петров! – Георгий рубанул воздух ребром ладони. – Когда и чем я тебе насолить успел? Я, знаешь, не люблю, если товарищ на меня непонятный зуб имеет.

– Ишь ты! – проворчал Иван Ильич. – Зуб! Моего зуба ещё заслужить надо!

– Ну ты... бобёр! – усмехнулся Георгий, но настаивать не стал.

Сидели молча. Вернулся Концевич. Его надменно-брезгливая физиономия потребовала немедленного эпитета. Георгий кивнул в сторону ординатора:

– Этот, понятно, таким родился. Пакостник. Дохлое нутро. Я подобных по-звериному чую. Но ты ж другой! Живой!

Иван Ильич безмолвствовал. Концевич сел в карету.

– Что? Ни слова?! – удивился Георгий.

Как бы ни хотелось Ивану Ильичу побалакать про Концевича, однако он окоротил себя. Трогая, важно выдал:

– А ни слова – то и значит: сказать нечего!

Снова ехали молча. Навстречу по улице шла девушка, привлекающая внимание Георгия.

– Девица – ровно полотно!

Иван Ильич и сам заметил прежде Георгия, потому как сегодня уже видел её.

– Не девица она! – вырвалось у него.

– Ты откуда знаешь?

Но Иван Ильич заткнулся. «А ещё, говорят, бабы болтливы. Вот на кой вылетело?!»

– Да что ж ты за дундук-бурундук такой, а?! Я ж не просто так. Я с Верой Игнатьевной живу.

Госпитальный извозчик бросил на Георгия огорошенный взгляд.

– Не в том смысле, дурья твоя башка! В смысле: я за неё в огонь и в воду! Их высокоблагородие о тебе славно отзывались, а ты как чурбан при вожжах!

Иван Ильич несколько потеплел взглядом, но лишь потому, что княгиня хорошо о нём говорила. А этот Георгий... посмотреть ещё надо, что за птица. Хвост перед дурой Мотей распустил, а та и рада!

Повернули за угол. И не увидели, как девица, которая не девица, утром отвезённая Иваном Ильичом в особняк Белозерских, упала у господского подъезда. К ней выбежал лакей, потормошил, но в себя она не пришла. Легко подняв её, лакей занёс особу в дом, из которого прежде вышел крайне недовольный Концевич. О причинах недовольства он собирался немедленно поведать главе клиники, профессору, профессорше... Нет, профессорша – это супруга профессора. Профессорке? К чёрту этот женский род! Профессору Данзайр.

Вера Игнатьевна и Владимир Сергеевич обсуждали рабочий вопрос, когда после формального стука в кабинет вошёл Дмитрий Петрович.

– Вот извольте, Вера Игнатьевна, – он протянул лист вызова. – Ещё один нервный припадок! – доложил он желчно. – Итого за неделю опробованного испытательного модуса: двенадцать нервных припадков и все как один – в возрасте прекращения функционирования яичников! Пять вздутых животов и приступ подагры! Не так я себе представлял благое дело выезда скорой помощи.

– Вы хотели бы Ходынской катастрофы¹¹? – холодно уточнила Вера. – Чтобы было где вашим талантам развернуться в должном объёме?

---

¹¹ Вера Игнатьевна говорит о страшной массовой гибели людей во время коронации Николая Второго, 18 мая 1896 года, когда в результате преступной непродуманности масштабных мероприятий погибли почти две тысячи человек. Эта чудовищная катастрофа в том числе стала одним из побуждающих импульсов к развитию службы скорой помощи в России.

Концевич мотнул головой. Невозможно было трактовать этот жест как согласие или же отрицание. Но Вера и не смотрела на Концевича, она уже погрузилась в бумаги. Остальное она произнесла формально вежливо, тоном, не терпящим пререканий и дискуссий:

– Все обслуженные семейства приобрели страховой полис нашей клиники. Я не вижу ничего зазорного в том, чтобы за неплохие деньги выслушать жалобы, соорудить сочувствующее лицо, поставить клизмы...

– И дать невыполнимые рекомендации по воздержанию в возлияниях! – ехидно вставил Концевич, Вера Игнатьевна посмотрела на него не без интереса. Хмыкнула. Возможно, она была с ним согласна. Но вслух произнесла:

– Дмитрий Петрович, я рада, что хоть что-то может вас вывести из себя. Например, нецелевое расходование вашего собственного ресурса. Но подойдите осознанно к эдакой трате себя. Из этих денег образуется в том числе ваше жалованье, которого вы прежде были лишены. А ныне – здравствуйте-пожалуйста! – вы и *штатный* ординатор, и *старший*! Можете белый хлеб со сливочным маслом каждый день кушать, запиваячи сладким чаем. Так что не забывайте!

– Но сколько сил и ресурсов будут отнимать подобные пациенты, когда клиника начнёт работать в полную силу? – предположил Кравченко.

Нет, он не поддерживал Концевича. Его это действительно заботило.

– Я знаю, Владимир Сергеевич, что вы противник тезиса нашего партнёра и ктитора, господина Белозерского, о том, что медицина – такой же товар, как и любой другой. Я тоже не согласна с этим утверждением. Если медицина и товар, то вовсе не такой же, как и любой другой. А более дорогостоящий. И чем больше платных пациентов, чем дороже наши услуги, тем большее число молодых ординаторов мы обеспечим работой. Это ли не польза, совокупная и обоюдная?

Княгиня вопросительно глянула на своих оппонентов. Возражений не последовало. Концевич, издав подобие вздоха, высказался более человеческим языком:

– Это понятно. Возможно, правильно. Дело не в этом. Просто все эти «высокие», а точнее сказать, богатые особы – ужасные пациенты. Они нетерпеливы, избалованы. Наличие хотя бы лёгкого недомогания, происходящего от их истеричности, вопиюще неправильного образа жизни, с лёгкостью ставят в вину врачу.

Вера Игнатьевна насмешливо обратилась к Владимиру Сергеевичу:

– Неужто ваш ставленник не знает, что самым громким успехом и самыми большими гонорами пользуются именно врачи, способные часами выслушивать ипохондриков и выписывать ненужные дорогостоящие пилюли? Мне казалось, это ему понятно как весьма сообразительному молодому человеку.

Вера отметила, что Кравченко немного поморщился на «ставленника». Однако ответил спокойно и ровно, подхватив хорошо известную мысль:

– И о которых понимающие дело товарищи отзываются с презрением. И к помощи которых ни один из самих врачей обращаться не станет.

– Шабаш, господа! Оставим демагогию и псевдопрофессиональный снобизм. Я пока не наблюдаю, чтобы взбалмошная дамочка в климаксе отвлекала нас от дел спасения жизней. Или хотя бы от болтовни. Обещаю вам лично клизмить вздутый живот, коли ваши благородные руки будут заняты брюшной аортой.

Разговор был окончен. Концевич вышел из кабинета профессора. Вера Игнатьевна и Владимир Сергеевич вернулись к насущным делам. Но не успели они как следует вникнуть, как на столе у Веры ожил телефон.

– Клиника Святого Георгия!

Вера Игнатьевна слушала изливавшийся в трубку поток речи и всё больше хмурилась. Взяла карандаш, записала адрес. Попросила Кравченко передать ей бумагу от Концевича. Сверила. Сурово припечатала:

– Сейчас к вам прибудет самолично профессор.

Максимально спокойно повесила трубку на рычажок. Поскольку более всего хотела запустить аппаратом об стену. Но если ты глава – сдерживай гнев.

– Этический кодекс самурая гласит: гневаться – недостойно человека высокого положения. Но гнев по серьёзному поводу есть не гнев, но праведное негодование. Как понять, Владимир Сергеевич, серьёзен повод или не серьёзен?

– Как обычно, Вера Игнатьевна: по причине, вызвавшей к жизни повод.

– О, да! Причина серьёзна.

– Тогда гневайтесь, княгиня!

Улыбнувшись как другу, Вера Игнатьевна на японский манер поклонилась Кравченко и покинула кабинет, твердя про себя: «Когда другие упрекают тебя, не вини их; когда другие гnevаются на тебя, не отвечай гневом»¹².

– Были ж мы здесь едва вот! – в никуда сказал Иван Ильич, поскольку заметно беспокоился ещё во дворе клиники, когда Вера Игнатьевна решительно уселась в карету. Теперь же, когда она вышла с видом ещё более зверским (другого слова Иван Ильич придумать не смог), молчать при таковой степени беспокойства он был не в силах. Но вроде как не к Георгию обратился, пусть не думает.

– Чего ты шебуршишься? Твоё дело – везти, куда сказали, хоть по сколько раз на дню, – откликнулся Георгий.

– Выискался, грамотный! – рыкнул Иван Ильич. – Ты тут первый день, а я, знаешь, тут не того!

Иван Ильич соскочил с козел, подошёл к морде Клюквы и стал возмущённо и несколько бессвязно бормотать, жалуясь ей:

– Наберут, понимаешь, непонимающих! Без году неделя!.. Кавалер, ишь!

Вере Игнатьевне не удалось как следует поколотить в двери, их тут же распахнул суетливый лакей:

– Госпожа врач? Срочно прошу наверх! С хозяйкой опять припадок сделался.

Вера рванула по лестнице в самом решительном настроении. Это перед Кравченко и тем более перед Концевичем она могла быть сколько угодно разумной в доводах. Но как же её саму гневали эти бездельные барыньки со своими истериками! Лакей не отставал, взволнованно бормоча:

– Горничная шлялась неизвестно где. Явилась! Бледная, чувств лишилась. Чаем, понятно, отпоили. Сегодня бал, прислуги-то хватает, да барыня как бросилась на Марину! А за криком уж и снова в припадок хлопнулась.

Вера Игнатьевна так резко затормозила, что слуга врезался в неё.

– Фамилия!

– Чья?!

– Марины, горничной!

– Бельцева.

Княгиня рванула наверх. Уже в ярости. Прибыла она сюда всего лишь навалить за ложные вызовы по пустякам. А тут дела куда серьёзнее! Ох, хоть бы не сорваться. Нельзя страховую клиентуру терять. Но и такого допускать нельзя.

И это она-то пеняла Сашке Белозерскому на гуманизм над пропастью?!

---

¹² Княгиня Данзайр цитирует японского философа Кумадзаву. Стоит отметить, что этот великолепный самурай в своих трактатах подвергал резкой критике центральную власть, равно как и власть феодальных князей, и писал о тяжёлом положении простого японского крестьянина. В 1687 году обратился к сёгуну с предложением проведения административных и хозяйственных реформ, за что был лишён привилегий и отправлен в ссылку, где и умер.

Хозяйка возлежала на кушетке, вокруг толпилась прислуга. Ворвавшись, княгиня моментально окинула собравшихся взглядом, отметила Бельцеву. Горничная не показала виду, ни единого движения, мимики, жеста. Про себя Вера восхитилась девчонкой: умеет держать слово. Она подошла к горничной, взяла её за запястье, нащупала пульс.

– Мне душно! Задыхаюсь! – тут же простонала хозяйка, несмотря на то что до сего момента мужественно держалась в обмороке. – Кто здесь?

Не отрывая взгляд от швейцарских часов-кулона, Вера Игнатьевна ответила холодно, высокомерно, хотя и не любила подобный тон. Но здесь и сейчас ему было самое место:

– Княгиня! – особо подчеркнула она титул, хотя редко пользовалась этим «ржавым оружием». – Вера Игнатьевна Данзайр, доктор медицины, профессор, глава клиники «Община Святого Георгия».

Вера отпустила руку горничной. От её цепкого тренированного внимательного взгляда отменного клинициста не ускользнуло, сколь трусливо косился хозяин дома.

– Помогите, наконец-то, жене! Ей плохо! Предыдущий врач нисколько не пригодился. Я рад, что прибыла наконец глава клиники. За что мы только деньги платим?!

Его скороговорка была не столько возмущённой тирадой, сколько малодушной мольбой. И здоровья супруги эта мольба касалась в последнюю очередь. Не отрывая взгляда от хозяина, Вера намеренно громко и чётко уточнила в сторону кушетки:

– Когда приходила последняя менструация?

Прислуга замерла в смущении. Хозяйка, нарочито громко ахнув, демонстративно изобразила обморок, шумно откинувшись на подушки.

– Понятно! – резюмировала Вера. – Приливы. Климакс у вашей драгоценной супруги. Весьма возможно: патологический.

В этот момент Бельцева беззвучно осела на пол. Вера успела подхватить почти невесомую горничную.

– Пациенткой я и занимаюсь. Госпитализирую её в Царскосельскую клинику. Мы ещё закрыты. Счёт за лечение изволите оплатить? – княгиня весьма красноречиво уставилась на хозяина дома.

Повисла пауза. Вся прислуга с жадным любопытством уставилась на него, позабыв о страдающей хозяйке. Стоит отметить, что, приоткрыв один глаз, за ним наблюдала и болезная супруга, решившая пока не приходить в себя от греха подальше. Хозяин кивнул. После чего Вера с горничной на руках двинула на выход. Хозяин потрусил за княгиней, тихо бормоча:

– С женой-то что делать?

В дверях Вера остановилась и ответила тоже тихо, но более чем внятно:

– А вот то самое, что с ней делали! – она кивнула на бесчувственную Бельцеву – Желательно регулярно. Супруге вашей уже и приплод не грозит. Зато любознательность, как я погляжу, разбирает. Она или в курсе ваших шалостей, или догадывается. Прислуга, смотрю, в курсе, – Вера метнула взгляд в сторону оставшихся в столовой и попала именно туда, куда целила, – в хозяйку, подсматривающую из-под прищуренных век. Той поре было уже приходить в себя, что она и сделала, демонстративно ахнув и возопив:

– Мне хоть кто-нибудь поможет?! Что вы возитесь с этой... шлюхой?

Последнее слово она выкрикнула надрывно, злобно, истерично.

– Ага! – припечатала Вера. – Не догадывается, а точно знает. Это, конечно, не то наказание, которого вы заслуживаете, но за неимением законных способов вас прищучить, сойдёт и ваша мадам!

После чего профессор хорошо поставленным голосом, могущим перекрыть и артиллерийскую канонаду, обратилась к хозяйке:

– Вам очень поможет конюх помоложе!

К Царскосельскому госпиталю прибыли нескоро. Но, собственно, никуда и не торопились. Иван Ильич и Георгий Романович так и ехали молча. Молчала в карете Вера, пользуясь возможностью побыть наедине с собой. Жизнь Марины Бельцевой была вне опасности. Потребуется теперь устраивать судьбу этой девчонки. Раз уж попалась на пути.

Княгиня немного лукавила, говоря профессору Хохлову, что никто её на службу не берёт¹³. Императрица лично приглашала Веру на должность старшего ординатора Царскосельского госпиталя. Но Вера не хотела пользоваться высочайшим расположением, не желая давать повод склокам ни вокруг себя, ни тем более – императрицы. Вот, мол, и за эту «похлопотала». К тому же ходили слухи – увы, и Вера к ним прислушивалась, – что Александра Фёдоровна жаждет, чтобы Евгений Сергеевич Боткин возглавил Царскосельский госпиталь.

Вера Игнатьевна прекрасно относилась к Евгению Сергеевичу. Считала его человеком выдающихся личных качеств. Человеком высоконравственным. Но никак не выдающимся или даже хоть сколько-нибудь способным администратором. Она не хотела служить под его началом. Да и не под чьим бы то ни было началом. Конфликтовать с Боткиным было невозможно, а вне конфликта нет созидания, нет развития, нет жизни.

Императрица любила Веру. Императрица высоко ценила Боткина. Она мечтала видеть их обоих в Царскосельском госпитале. Пока этого единения – и Вере Игнатьевне, и Евгению Сергеевичу – удавалось счастливо избегать. Они несколько раз столкнулись на войне, и Вера поняла, что он, безусловно, блаженный, практически святой. А этого ей, человеку энергичному, кипучему, несмирному, никак не вынести.

Она и на приглашения в дом Евгения Сергеевича всегда отвечала невероятно вежливыми великосветскими отказами. Первое, что он сделал после того, как она фактически перехватила его славу аналитика огрех медицинской части русско-японской кампании, – пригласил её на вечер в её же честь. В свой дом. Он устроил вечер в её честь, мать твою за ногу! И любого другого можно было бы заподозрить хотя бы в изощрённом аристократическом коварстве. Но не этого! Он и правда был таким. Он искренне хотел чествовать княгиню!

Ещё на фронте ходила легенда, что он подарил семейную реликвию двум бедолагам-ампутантам, первый и последний раз видя их в госпитале. Вера Игнатьевна смело руку отдала бы на отсечение, любую, а то и обе, что это не легенда, а правда. И что шахматы ещё Петра Кононовича Боткина, пионера чайного дела в России, почётного гражданина Москвы, мецената и благотворителя, его внук совершенно спокойно, без единого сожаления – да какое, к чёрту, сожаление! – от всей души и считая за честь! – отдал безымянным солдатикам, чтобы скрасить их вынужденный страдальческий досуг.¹⁴ Нет, Вера готова работать даже с чёртом лысым! Но не с Евгением Сергеевичем Боткиным.

В Царскосельском госпитале реконструкция была проведена ещё до войны, в 1903 году. Центральное водяное отопление. Электрическое освещение. Но отчего же не соорудить было современную прозекторскую? Не сообразить рентген-кабинет? Не построить здание для персонала? Далеко не все могли позволить себе снимать жильё, да и туда-сюда не наездишься! А всё потому, что Евгений Сергеевич – не советчик! Тогда императрица Веру слушать не стала. Теперь вот, снова-здорово, говорят о необходимости реконструкции госпиталя. И кого Аликс прочит в комиссию по реконструкции (вскоре после реконструкции – смех и грех!)? Разумеется, Евгения Сергеевича! Увольте! Лучше у купчины Белозерского на всё сразу брать. Он богаче господ Романовых, а из государственных средств они даже на толковое брать стесняются. Потому у государства на бестолковое со свистом воруют. Господа Романовы, нынешняя чета – прекрасные люди, но не администраторы, не управленцы.

---

¹³ Вся предыстория в первом сезоне романа «Община Св. Георгия».

¹⁴ Отголосок этой истории есть в четвёртой главе первого сезона романа «Община Св. Георгия».

Вера остановила поток внутренней крамолы. Она любила государыню. Прекрасно относилась к государю. Уважала Евгения Сергеевича Боткина, буквально восхищалась им. Но взаимодействовать по рабочим вопросам с этими тремя не видела возможности. Для себя. Сейчас. А там... Человек предполагает, Бог располагает.

Въехали во двор Царскосельского госпиталя. Иван Ильич и Георгий вынесли носилки из кареты. Вера шла рядом и казалась немного отстранённой. На самом деле она полностью сконцентрировалась на том, как выйти из щекотливой ситуации с честью для себя и полнейшей пользой для пациентки. Понятно, что принимающий доктор осмотрит Марину Бельцеву. Как минимум – будет настаивать на осмотре. И... как же она ненавидела пользоваться статусами «княгиня» и «подруга императрицы».

Мимо её сознания промелькнуло что-то настолько давнее... давно знакомое, близкое, родное, ненавистное... Гипоталамо-гипофизарно-адреналовая ось взвилась на мгновение и... Вера поняла, кто прошёл мимо неё. Приказала себе успокоиться. Ни в коем случае не оглядываться. Тем более Марина пришла в себя. Вера сосредоточилась на Бельцевой. Они подходили к дверям приёма.

– Какой сегодня день? – строго спросила княгиня.

– Вторник.

– Знаешь, кто я?

– Нет.

Марина ответила через паузу. Совсем короткую, мимолётную паузу. Паузу, которой хватило на то, чтобы сознание Марины ясно донесло Вере: «Я всё помню, всё понимаю; я не подведу». Вера Игнатьевна сжала запястье Бельцевой.

– Я доктор. У тебя случился выкидыш. Ты потеряла ребёнка.

Она погладила молодую женщину по руке. Марина закрыла глаза, по щекам её покатились слёзы. Это не было игрой. Это было естественной разрядкой после ужасающих волнений, неестественных вторжений, чрезмерных перегрузок для тела и для души и признанием такого простого чудовищного факта: женщина потеряла дитя. Не только грех глодал сердце Марины, хотя, разумеется, и это тоже: она была воспитана традиционно. Не страшного суда она боялась. Она просто и чисто страдала лишь потому, что лишилась конкретного ребёнка.

Хорошо, что с Мариной была Вера. Она не собиралась страшать, осуждать и наказывать. Как все истинные люди, как дети божьи, Вера собиралась помочь. Как человек помогает человеку.

Как способна помочь женщине только женщина. Мать, сестра, подруга. Дочь... Проклятая влага преступно просочилась и потекла по щекам Веры. Она хотела дочь. Когда-то давно. В другой жизни. Ждала дочь. Дочь того, кто только что *прошёл мимо неё*.

Георгий, державший ножной конец носилок, заметил состояние княгини. На всякий случай притормозил.

– Тпру! – окрикнул он Ивана Ильича.

Тот собирался что-то едкое выдать. Но, полуобернувшись, заметил мокрые щёки Веры Игнатьевны. Покорно остановился без единого слова. Вера и Марина, княгиня и горничная, на мгновение переплели пальцы.

Врач, мужчина средних лет, княгине незнакомый, записывал со слов Веры.

– Принят вызов по телефону. Горничная Бельцева, из персонала дома, обслуживаемого клиникой «Община Святого Георгия». Жалобы на боли внизу живота. Слабость. Кровотечение из половых путей. Самопроизвольный выкидыш.

– Не замужем? – немного замаявшись, уточнил у Веры Игнатьевны врач. Хотя Марина лежала на кушетке здесь же, в смотровой. Она запунцовела после такого вопроса. Вера рассмеелась.

– Я замужем, вы наверняка в курсе. Горничная – нет, – Вера резко оборвала смех и сказала серьёзно, так, чтобы доктор, человек по всей видимости добрый, проникся и не спрашивал более ерунды, о которой сам знает поболее многих. – Была бы замужем, не служила бы горничной. Пациентка осмотрена мною! – Вера со значением глянула на доктора: мол, сомневаешься в моих вердиктах? Желаете оспорить? Или не будешь начинать эти игрища? – Остатков плодного яйца нет. Необходимые назначения: эргометрин, холод на низ живота – выполнены.

Врач кивнул. Он многое понимал. Но и род деятельности обязывал его хотя бы к некоему подобию соблюдения протокола.

– Показания к госпитализации?

– Кровопотеря, достаточная для проблем при её габитусе. Слабость. Истощение организма. Физическое и нервное. А у господ – сезон балов в стадии завершения.

Господин доктор немного помедлил, затем проямлил:

– Когда не замужем и выкидыш... Мы в таких случаях обязаны...

– Вы подвергаете сомнению мои слова? Мою компетенцию? Мою честь?! – перебила Вера, изобразив грозную княгиню, героя войны с известной репутацией.

– Ни в коем случае! – с перепугу врач встал и, сколько мог, вытянулся.

Был он полон по телосложению, человек совершенно гражданский, так что вышло у него не очень, но Вера Игнатьевна оценила старание. Не дав ему опомниться, продолжила:

– Вы подвергаете сомнению слова этой несчастной девушки, которую смеете укорять в том, что она не замужем? Или... – Вера искренне ужаснулась (когда было необходимо, её театральные телодвижения были великолепны, хотя она и не любила этого). – Если я вас верно трактую, вы подозреваете несчастное бесправное забитое существо в чём похуже? В преступных намерениях?!

Вера Игнатьевна поднялась, и негодование её никто бы не назвал наигранным. Ибо оно таковым не было. Негодование было искренним, выстраданным, застарелым.

В Царскосельской больнице абсолютно все отлично были осведомлены, кто такая княгиня Данзайр, а равно о её тёплой дружбе с императрицей, и, конечно же, о том, что ею восхищается обожаемый здесь всеми Боткин. К чёрту протокол!

– Что вы, Вера Игнатьевна! – горячо воскликнул врач. – Я и сам всеми фибрами души искренне ненавижу эту бюрократию, возню эту полицейскую. Да и сами они не горят рвением подобные случаи разбирать...

– Можно же, не дай господь, и разобраться ненароком! – с насмешливым холодком перебила Вера. – Припоминаете ли вы случаи, когда хозяев судили за изнасилование прислуги, а? Вот и я не припоминаю.

Господин доктор согласно кивнул. Выдохнул. Сел. Взялся за перо. Проговорил уже в бумагу:

– Эргометрин, холод на низ, покой. Три дня.

– Пять. Пять дней полного покоя. Пропишите ей офицерский стол, – Вера Игнатьевна устремила к портрету государыни императрицы ангельский взор. Именно под патронатом Александры Фёдоровны находился Царскосельский госпиталь.

– Никаких возражений не имею.

– К слову, пациентка платная. В полном объёме выставяйте счета, не стесняйтесь. Бывший её наниматель оплатит в лучшем виде. А сейчас, будьте любезны, оставьте нас ненадолго наедине.

– Конечно, Вера Игнатьевна! – немедля вскочил врач, обрадованный уже тем, что не за больничный кошт сия щедрость.

Когда за штатным лекарем закрылась дверь, Вера Игнатьевна присела на край кушетки. Марина бросилась горячо целовать руки княгини.

– Прекрати немедленно, дурища! Я не тебя спасаю. Я себя спасаю. И молодого доктора, к которому ты явилась с закровяненным подолом. Вот! – Вера достала из кармана визитную карточку клиники. – Как выпишут, сразу приходи. Нам нужны сёстры милосердия. Жить будешь при клинике. Возьми, чтобы не пешком, – Вера протянула ей деньги.

Бельцева Марина всё-таки исхитрилась покрыть руки княгини шквалом горячих поцелуев и оросить слезами. Вера не стала снова вырывать ладони, человеку разрядка нужна.

– Спаси вас Бог, Вера Игнатьевна! Меня хозяйка со свету сживала, хозяин насильничал чуть не каждую ночь. Идти некуда... Я хотела его родить, хотела! Вот вам крест! Но как? Куда? На что жить? И где? Вырастить, воспитать.

Вера погладила Марину по волосам. Аккуратно высвободила руки. Подошла к окну. Уставилась на унылый пейзаж с неизбывной печалью.

– Это всегда очень тяжело. Чудовищный выбор, которого к тому же легально женщина лишена. Я знаю одну... Одну чудесную и замечательную женщину... По крайней мере, именно такой эта женщина когда-то была. Она родила без мужа. Но, правда, её ситуация, признаюсь, была лучше твоей. Она любила того, от кого понесла. Ей удалось вырастить сына. Не знаю, удалось ли воспитать, но вырастить удалось на отлично. Но какой ценой!

– Ей пришлось... торговать своим телом?! – вырвалось у Марины.

Видимо, этого она опасалась более всего. Что неудивительно для жертвы насилия. Вера горько усмехнулась. Моргнув, она с удивлением обнаружила, что по щекам опять побежала предательская жидкость. Нет, это слишком для одного дня! Не иначе, Бельцева со своим ещё бьющим гормоном так влияет. Вера Игнатьевна промокнула щеки тыльной стороной ладони и тихо сказала:

– Хуже. Душой.

Обернувшись, княгиня увидела насмерть перепуганный взгляд Марины.

– Господи! Не в том смысле! Вы, никак, романов Крыжановской-Рочестер¹⁵ начитались. Пооди, в доме у хозяйки только их и держали.

Марина потешно развела руками. Вера улыбнулась. Эта Бельцева – очень сообразительная девчонка. Может выйти толк.

– Никто не рисовал пифагорейских пентаграмм, не вызывал дьявола, не писал расписок кровью. Эта женщина... Моя подруга...

Она хотела спасти других женщин. Но женщины не хотели спасаться. И она вынуждена была пойти на сделку с собственной совестью. Это и есть та пресловутая сделка с дьяволом: сделка человека с собственной совестью. Цена всегда одна: душа. В момент сделки с совестью гибнет душа человека. А на месте совести, которая не функционирует нормально без души, появляется уродливый конгломерат договоров, соглашательства, страховых обязательств, системы взаимозачётов. Мёртвая мена взамен живой совести. Она считает, что пошла на сделку с совестью ради сына. Из-за сына. Это подлое «из-за» обнуляет то прекрасное «за»... Например, умереть за Родину – это не то же самое, что умереть *из-за* Родины. Если ты понимаешь, о чём я.

Марина Бельцева серьёзно кивнула.

– Осмелюсь сказать, что «за» и «из-за» – антитетические утверждения, – поймав удивлённый взгляд княгини, Марина скривила губы. – Я действительно читала романы Крыжановской-Рочестер. Вы правы, только их и читала хозяйка. Хозяин же, получив нужное ему... –

---

¹⁵ Вера Ивановна Крыжановская-Рочестер – русская романистка, увлекавшаяся оккультизмом. Основные темы её произведений: борьба божественного и сатанинского, реинкарнация, космогония и прочее подобное. Увлекалась спиритизмом, мистикой, магией. В общем, ориентировалась на малокультурного обывателя вроде нашей милой горничной и её хозяйки, благодаря чему и была весьма и весьма успешна.

Бельцева подавила спазм отвращения, продолжив со злобой, – бывал в ударе и, как он это называл, образовывал мой ум.

– Вот же гадина! – прошипела Вера побелевшими от ярости губами. – Он ещё и просветителем себя мнил, тикусёмо!¹⁶

– Что?

– Всё! – Вера рубанула воздух ребром ладони, будто отсекла от Марины её прошлое. – В любом случае твой исход – не худший исход. В отличие от моей подруги, ты – свободна!

– Вера Игнатьевна, отчего вы плачете?

Вера и не заметила, как по её лицу снова потекли слёзы. Она со злостью смахнула их и, направившись к умывальнику, буркнула:

– Потому что я – свободна!

---

¹⁶ Сукин сын (яп.).

Глава IV

Лариса Алексеевна, владелица фешенебельного публичного дома высшего разряда, сидела за столом в кабинете и писала письмо. Случайный наблюдатель, окажись он здесь, мог бы посчитать, что видит самую обыкновенную картинку: женщина хорошего происхождения и немалого состояния выплёскивает неисчерпаемый запас любви и нежности на бумагу Проще говоря, респектабельная матушка пишет обожаемому сыну. Так оно и было. Вне контекста сторонний наблюдатель ни за что бы не разгадал в образцовой женщине-матери хозяйку борделя.

В гостиную вошёл Яков Семёнович, штатный врач заведения. Не воображаемый наблюдатель, а непосредственный участник событий, полноправный гражданин проживаемой истории.

– Девицы осмотрены, дражайшая Лариса Алексеевна. Клёпа на удивление быстро идёт на поправку¹⁷. Но к господам её ещё нельзя.

– Сама долго не захочет! – сказала хозяйка, отложив письмо. Нельзя писать любимому сыну и говорить о таком. – Клеопатра решила в порядочные женщины податься.

– А и слава богу! – с ехидной готовностью подхватил Яков Семёнович. – Вы-то уж точно не будете служить препятствием к оставлению последнею борделя. И вовсе не из-за «Правил содержательницам борделей»¹⁸, а по велению вашей души-с! Так и представляю Клёпу сельской учительницей. Хотя бы и сестрой милосердия. Чем не роль? Отчего, к слову, все эти соблазнённые господами горничные и бонны, изнасилованные мастерами фабричные – тут же направляются на панель, а?

– Вот станешь, Яша, соблазнённой горничной и изнасилованной фабричной девчонкой или сиротой деревенской, тогда и поговорим про отчего да почему! – зло зашипела на него Лариса Алексеевна.

– Молчу, молчу! – доктор примирительно поднял руки. – Только ты и сама знаешь, любезная моя Ляля, кто уж в это ремесло попал – другой жизни не захочет и с пути этого не свернёт до самой помойной канавы. Как бы тяжело ни было, чтобы торговать телом, это надо собой иметь здесь, – Яков Семёнович покрутил пальцем у виска. – И здесь! – приложил он руку к сердцу.

Наткнувшись на суровый взгляд Ларисы, решил сменить тему:

– Как сынок?

– О! Прекрасно! – о сыне Лариса Алексеевна могла говорить часами. Жаль, в основном с Яшей. Но говорить с Яковом Семёновичем об этом, увы, было всё одно что говорить со стеной. – Первый ученик на курсе! Уж русский забывать стал. Пишет с ошибками. Вот выучится окончательно, к нему поеду.

– И чем займётся, Лариса Алексеевна?

– Внуков буду растить.

– Это хорошо бы, Ляля! Но внуков тех ещё иди-знай, когда получишь. И получишь ли вообще. Стала бы ты этим заниматься, если бы не сын? Которому, ишь, надо самое лучшее, потому что он у тебя какой-то особенный. Что, правда, никому неизвестно: в чём. Разве в потрясающем эгоизме. Это, безусловно, тоже талант: таковое очищенное отношение к матери как к поставщику денежных сумм в наличных и чеках.

---

¹⁷ Клёпа – звезда заведения. В первом сезоне с ней приключились некоторые неприятности. Вера Игнатьевна и Александр Николаевич в его домашней лаборатории варили зелье для беспутной Клеопатры.

¹⁸ «Правила...» были утверждены министром внутренних дел 29 мая 1844 года. В них были внесены некоторые изменения в 1901 году (официальный возрастной ценз был поднят с 16 лет до 21 года) и в 1903-м (когда врачебно-полицейским комитетам был поручен надзор за публичными домами и официально зарегистрированными проститутками).

Пока они разговаривали, Яков Семёнович сварил кофе на спиртовке, подал Ларисе Алексеевне и расположился в кресле с чашкой.

– Не стоит метать в меня молнии, Ляля. Я отсырел давно, не возгорюсь. Ты же не со мной разговариваешь. Не в меня мечешь. Я просто озвучиваю твой внутренний монолог. Ты более страшного суда боишься, что твой драгоценный сынок, Андрей Андреевич твой ненаглядный, плевать на тебя хотел. И не вздумай сейчас подойти и дать мне пощёчину. Погоди, пусть кофе остынет. Не ровён час ошпарюсь.

Лариса Алексеевна тяжело вздохнула, достала портсигар, раскурила папиросу и принялась за кофе.

– Ты чего вдруг Андрюшку по имени-отчеству назвал? – она насторожилась. – Я же надеюсь...

– Лариса Алексеевна! – привычно играя обиду, перебил её Яков Семёнович. – Вашу тайну знают только присутствовавшие на родах: я и Вера Игнатьевна. За княгиню Данзайр поручаться не надо. Что до меня... Может, я и не такой уж чести человек, но испытываю невероятное удовольствие все эти годы наблюдать всезнающего самодовольного великолепного Андрея Прокофьевича, понятия не имеющего, что у него есть сын. Не просто какой-то там сын, ненужный сын, так себе сын, осложнение неосмотрительности, проявленной во время полового акта. А его сын от единственной женщины, которую он единственно же любил, как умел. И любит, как умеет. Если к нему вообще применима эта категория – любовь.

Начав ёрнически, завершил Яков Семёнович тираду на высокой трагической ноте. Никогда нельзя было понять, злую ли буффонаду представляет сей персонаж или же в этом отчаянном скоморошестве захлёбывается кровью его добрейшее сердце. Не понять стороннему наблюдателю, мистически возникшему из ниоткуда, из первоприродной материи, над которой сломали головы умнейшие мужи и порвали нервы чувствительные дамочки. Лариса Алексеевна была проще первых и сильнее вторых. Она встала, подошла к Якову Семёновичу, опустилась перед ним на колени и обняла его ноги.

– Мне разуться? Омоешь миром? – спокойно спросил он, отпив кофе.

– Тьфу ты! Старый дурак! Богохульник! – весело ответила Лариса, положив голову ему на колени.

Она знала, что нет на свете человека преданнее. Она всегда любила других мужчин. Сперва – возлюбленного. Затем – сына от возлюбленного. А Яков Семёнович всегда любил её. Им не надо было об этом говорить, они оба это знали. Стоило побубнить о чём-то не менее известном, но более актуальном, навязшем в зубах. Понудить.

– Избаловала ты сына, Ляля. Страшно избаловала. Ни в чём отказу не знал. К сожалению, он слишком умён, слишком хорош собой и невозможно нарциссичен. Весь в папашу. Как бы беды не вышло. Надо что-то предпринять. Не снабжать безлимитно. Учёба, довольствие – ладно. Хотя мог бы и подрабатывать уроками. Но хочет курортов – пусть изволит заработать.

Яков Семёнович знал, что говорит в пустоту. Любовь Ларисы Алексеевны к сыну была безграничной и бесконечно болезненной. Она считала себя перед ним виноватой за то, что родила вне брака. Он эту материну слабость вычислил ещё совсем мальчишкой и бессовестно пользовался. Вот и сейчас Лариса моментально привела привычный контраргумент в этом давно обиходном споре.

– Юноша и должен быть умён, красив и эгоистичен. Вон Сашка Белозерский? Что? Не таков? И никаких бед! Не каркай! – Лариса Алексеевна трижды поплевала через левое плечо.

Яков Семёнович посмотрел на Лялю, на свою ласточку Лялю, с неизбывной печалью.

– У наследника императора кондитеров не сбоят здесь! – он приложил руку к сердцу.

На задний двор клиники «Община Святого Георгия» вышел покурить мастеровой Матвей Макарович, чьи глаза не давали покоя Александру Николаевичу. Не стоило и сомневаться:

следом за ним немедленно выскочил и молодой ординатор, получивший нынче повышение. Другого бы плотные содержательные события дня сбили бы с толку, заставили копаться в себе, но только не младшего Белозерского. Матвею Макаровичу был приятен молодой доктор, но к медицине в целом, надо признать, он относился с высокомерным пренебрежением квалифицированного рабочего.

– Перекур? Хорошее дело! – Александр прикурил от папиросы Матвея Макаровича, сделал несколько затяжек. И снова-здорово завёл свои куплеты, начавшие изрядно раздражать мастерового. – Давайте я вас осмотрю. Считай, две папиросы выкурили вместо одной. Это небольно и бесплатно!

– Да что ж вы до меня, доктор, прицепились, как репей до собаки! – скорее весело, нежели зло, рявкнул Матвей, могучий мужик ближе к шестидесяти. Из таких, что до ста двадцати доживают и непременно удостаиваются сфотографироваться с государем императором как участники и очевидцы... чего бы то ни было. Ни разу не случилось в России таких ста двадцати лет, чтобы и сфотографироваться не о чем было. – Говорю ж вам в который раз: здоров я! Толку от вашего сословия, а?! У меня доктора племяша зарезали, вот что! Только был живой, так они – чик! – и нет больше племяша.

– Это как так?! – изумился Белозерский.

– А вот так вот! Как есть зарезали! Лечили-лечили неделю. А после, уж как надоело лечить, так они его хрясь по горлу! – рабочий полоснул себя по шее ребром ладони. – И помер! – глубоко затянувшись, он делано равнодушно пожал плечами.

– Это очень печально! – с грустью сказал Александр Николаевич. – Сочувствую вашему горю. Но позволю себе усомниться в вине докторов. Тем паче, в злом умысле. Осмелюсь предположить, что у вашего племянника был дифтерит. Вероятно, плёнками забило дыхательные пути, и доктор выполнил трахеотомию...

Белозерский и не заметил, как разозлил Матвея Макаровича. Тот перебил доктора:

– Не знаю, что там позволю, да осмелюсь, да вероятно, однако к вечеру племяш отмутился стараниями вашей братии. Благодарю покорно!

В Сашке стала закипать медвежья кровь, он собрался прочесть гневную проповедь о недопустимости... Но тут очень вовремя во двор заехала госпитальная карета. Из салона выпрыгнула Вера и пружинисто пошла к крыльцу, доставая портсигар. Глянув на рабочего, она сказала:

– Ведь и правда, Матвей Макарович, у тебя анизокория.

Белозерский построил ей лицо: я же тебе говорил!

– Отказывается он обследоваться, Вера Игнатьевна. Говорит: мы его по горлу хрясь! – и поминай, как звали!

Вера глянула на одного, на другого. Два мужика были уже готовы на кулаках выяснить, кто из них прав.

– Чего это вы как два шипящих самовара?!

– Да ну вас! Пошёл я своим делом заниматься. А вы, господа хорошие, своими занимаетесь!

Сплюнув под ноги, Матвей Макарович зашёл в клинику.

– Гусь! – возмутился Саша.

– На себя в зеркало давно смотрел? – рассмеялась Вера. – Вы с этим Матвеем одного поля ягоды.

Тем временем с козел спустился Георгий, слишком медленно, как показалось Ивану Ильичу. За что госпитальный извозчик одарил его жалящим взглядом.

– Как он? – кивнув на инвалида, тихо спросил Саша, забыв, что Вера только что фактически обозвала его упрямым бараном.

– Ничего, ничего. У него с головой всё в порядке. В отличие от тебя и нашего славного Матвея Макаровича. Причём у Матвея Макаровича с головой сильно не в порядке.

– Так я же тебе и говорю! И ему говорю! – воскликнул Белозерский.

– Саша! К такому же, как ты, но другому барану по имени Матвей Макарович нужен особый подход. Пошли продемонстрирую мастер-класс от ведущих европейских светил психоанализа и тибетских махатм по материализации духов и раскрытию тайн реинкарнации сознания и души!

Вера направилась в клинику. Белозерский потрусил за ней, ворча:

– Ага! И это у меня не всё в порядке с головой?!

Обнаружили Матвея Макаровича в коридоре. Он как раз выговаривал подсобнику за что-то, яростно вращая ручку пакетного выключателя. Подойдя, Вера Игнатьевна властно обхватила голову Матвея Макаровича, повернув к яркому свету, – на финальное «щёлк» как раз засияли все ряды ламп в светильнике.

– Отвяжитесь, господа! Здоров я! Чего вы там разглядеть хотите через глаза?! Душу мою? Или голову? Здоров я и головой, и душевно не хвор. Этот мне тоже... – вывернувшись из рук Веры – впрочем, она удостоверилась в том, что заметила и прежде, при естественном освещении, – мастеровой кивнул на Александра Николаевича. – Балаболит всё что-то, руками машет без толку. Я руками соображаю получше него, поди! Много получше, чем эти ваши после университетов, в тужурках форменных. Будто мундир чего-то сюда добавить может, – Матвей Макарович выразительно постучал костяшками пальцев по лбу.

– Ни добавить, ни убавить, справедливости ради. Убавить мундир тоже не может, – рассеянно, будто отвечая своим мыслям, сказала Вера. – Слушай, Матвей Макарович, – деловито обратилась она к рабочему. – Ты человек мастеровой, с инженерным складом ума. Совет твой нужен. Мы тут с одной штукой никак не в силах разобраться, – Вера незаметно подмигнула Александру Николаевичу – Молодой доктор всю ночь бился, сестру милосердия на помощь призвал, а ничего не вышло. Как думаешь, справишься?

– Всю ночь с сестрой милосердия бился? – добродушно хрюкнул Матвей Макарович. – Это оно, конечно! А со штукой окажу всякое содействие, – помимо воли он весь раздулся от гордости. Профессор, княгиня, а не брезгует помощи у простого человека попросить, уважает квалификацию, а не нашлапки на мундирах. – Это хорошо! Это мы всегда пожалуйста, с огромным нашим удовольствием! Со штуками, с ними управиться можно. У штук, у них горла нет! – сверкнул он глазами в Александра Николаевича. Тот, было, рыпнулся, но получил от Веры кулаком в бок.

Завела Вера Игнатьевна в рентген-комнату Матвея Макаровича как дорогого гостя, долгожданного специалиста. Сзади плёлся Александр Николаевич, сообразивший, что ему выпала роль восторженного подмастерья, и сыграть он обязан пристойно.

Зря Саша надеялся, что рентген-аппарат поразит мастерового. Матвей Макарович со скепсисом оглядел шедевр технологии, исполненный по всем канонам декоративно-прикладного искусства.

– Знаком мне этот агрегат, – с прохладцей мастера, знающего себе цену, заявил Матвей Макарович. – В девяносто шестом году мы в Кронштадтском госпитале работали. Так я инженеру Попову аккурат такой помогал собирать. У вас тут хоть и буквочки заграничные, – Матвей Макарович подошёл поближе, совершенно по-свойски, – и декор побогаче. А так: точь-в-точь¹⁹.

---

¹⁹ Матвей Макарович истину глаголет. В Российской империи первый отечественный рентгеновский аппарат был сконструирован профессором А. С. Поповым в Кронштадтской военно-морской академии через год после знаменательного откры-

У Александра Николаевича отвисла челюсть.

– Попову?! Александру Степановичу?!

– Ему.

– Почётному инженеру-электрику, ректору Санкт-Петербургского императорского электротехнического института Александра Третьего? Статскому советнику Попову?!

– Что ж вы, доктор, заголосили, не иначе как на поминальной службе? Ему, батюшка, ему! Кому же ещё? Он человек простой, не кичился, что знает всё про всё! – зыркнул он в Белозерского. – Я с ним знаком с тысячу восемьсот восьмидесятого. Он парень был совсем, моложе вашего. Денег у него не было, чтобы учёбу продолжать, так он подвизался объяснителем на электротехнической выставке. Господам празднующимся про всякие чудеса рассказывал. Очень смышлённый. Я его там и приметил, мы выставку-то монтировали, и к себе в «Электротехник» монтером пристроил²⁰. Так он меня не забыл, и если чего не понимал, всегда запросто нашу-то артель и звал. Благодарный простой человек, понимать надо! Не запомнил, как я ему, мальчишке, помог. Не зачванился ни кандидатом, ни профессором, – Матвей Макарович тайком смахнул слезу. И скорее чтобы скрыть искренний сентиментальный порыв, нежели действительно выговорить Белозерскому, наворчал на него: – Без вашего вот этого... про то, что мы в организме, ишь, не понимаем. Электротехника – это вам не ножичками тыкать!

Вера Игнатьевна еле сдерживала смех. Ошарашенный Белозерский опустил на табурет, невзирая на присутствие дамы.

– Вы поспособствовали молодому Попову! – восхищённо выдохнул он. – Вы добрый человек, Матвей Макарович.

Памятуя о роли, прописанной ему княгиней, молодой ординатор не стал ничего говорить вслух, но про себя поклялся, что теперь он уж точно обязан разобраться с анизокорией Матвея Макаровича и помочь ему, с чем бы это ни было связано.

– А то ж, не дурной! – мастеровой заслуженно наслаждался триумфом. Но и перегибать палку не стал. Добрый мужик, он и меру знает во всём. – Что вам, господа хорошие, не ясно с этой штуковиной?

Последовало минут сорок подробных разъяснений, весьма дельных, ибо Матвей Макарович действительно знал аппарат Рентгена – Попова как свои пять пальцев. И не без удовольствия, признаться, повозился с устройством заграничной модели. Сам предложил стать объектом испытаний. Чего, собственно говоря, Вера и добивалась.

– Я вам шайтан-машину наладил – на мне и пробуйте, – Матвей Макарович снова впал в ампулу простоватого русского умельца, хотя очевидно, что образован был будь здоров! Впрочем, и в образе недовольного мужика он несколько в себе не сомневался. Но поболтать после на совесть устроенного – любил. – Вот всё у нас так: кто дело делает, тому и ответ держать. А ничего не делай – и будешь всегда правым и безо всякой за то ответственности! – наигранно ворчал он, устраиваясь на столе.

– Се ля ви! – поддакнул Белозерский.

– Отож! – подтвердил Матвей Макарович. – Или, как говорится по-нашенски, жить широко – хорошо, но и уже – не хуже!

– Я вас оставляю, господа, – сказала Вера. – Ты, Матвей Макарович, часика полтора отдохни. Александр Николаевич при тебе побудет. Ты не шевелись...

тия Вильгельма Конрада Рентгена. В качестве излучателя Попов использовал трубку фирмы «Сименс».

²⁰ И здесь Матвей Макарович говорит чистую правду. Годы учения на физико-математическом факультете университета были для Попова не самыми простыми. Он болел. Накопилась академическая задолженность, после чего ему было отказано в освобождении от платы. Он продолжил учиться, подрабатывая «объяснителем» на электротехнической выставке в Соляном городке в Санкт-Петербурге. После чего был принят на работу электромонтером в товарищество «Электротехник», занимавшееся освещением на улицах и в общественных местах.

– Да знаю я процедуру! – весело перебил княгиню мастеровой. – У меня от Александра Степановича уже есть сувенир: скелет моей руки. Тёща, древняя колода, страсть боится. Чуть ли не жила у нас, хотя я ей домик справил. А как я из Кронштадта фото костяной кисти привёз – так только по большим праздникам! А уж как я череп на стену водружу в рамке – так и вовсе, поди, перекинется. Хотя куда там! Девяносто шесть годов, а как разговееется – мужикам на зависть! – не без гордости сказал Матвей Макарович. – Вы идите, Вера Игнатьевна. Мне и Александр Николаевич без надобности. Пушай щёлкнет тумблером и отправляется по делам, коли они у него есть.

Ох, попал ординатор Белозерский мужику на зуб, не скоро выпустит.

– А я подремлю. Я умею спать по стойке «смирно!» Доводилось. – Матвей Макарович закрыл глаза.

Спустя положенное время Вера Игнатьевна и Александр Николаевич рассматривали у неё в кабинете пластину со снимком головы Матвея Макаровича. Двух мнений быть не могло.

– У него гигантское новообразование правой половины и основания черепа.

– Безо всяких признаков нарушения мозговых функций! Он интеллектом и крепостью членов многим фору даст.

– Что будем делать? – Белозерский уставился на Веру, как мальчишка, ожидающий чуда.

– Ничего, Саша, – она развела руками. – Ничего.

Взяв у него снимок, она подошла к столу, взяла перо, обмакнула в чернильницу и каллиграфически вывела надпись:

Матвею Макаровичу Громову от главы университетской клиники «Община Св. Георгия», профессора Данзайр, с благодарностью за помощь в техническом обслуживании аппарата Рентгена – Попова.

Поставила дату и летящую подпись.

– Как ничего?! – растерянно бормотал Белозерский, застывший у окна. – Как ничего?! – неожиданно он воспрял духом и продолжил с энтузиазмом: – Когда уже в тысяча восемьсот сорок четвёртом году профессор Харьковского университета Тито Ванцетти удалил подобную опухоль...

– И больной скончался на тридцать вторые сутки от инфекционных осложнений, – перебила Вера, охлаждая пыл неопытности.

– Но асептика и антисептика с тех пор значительно продвинулись! Вера Игнатьевна, накоплен опыт...

– Ординатор Белозерский! Матвей Макарович Громов – живой человек, а не полигон для твоих изысканий. У него семья. Жена. Дети. Внуки. Тёща девяноста шести годов. Если бы твой глаз не был так остёр и не заметил бы разницу зрачков при реакции на свет... Бог его знает, Саша, сколько он живёт с этой опухолью. И бог знает, сколько ещё проживёт.

– Но как же!..

– А если мы, ординатор Белозерский, полезем с пилой к нему в башку, он в лучшем случае умрёт, а в худшем – станет глубочайшим инвалидом, не могущим себя обслужить. Останови скачку идей! Как профессор ординатору: приказываю!

– Но почему же?..

Он всхлипнул или ей показалось? Нет, показалось. Не настолько он... Он не Ася, в конце концов!

– Саша, мы даже говорить ему ничего не станем. Испытания аппарата прошли успешно. Снимок в подарок тёщу отпугивать.

– Но зачем же мы тогда знаем?! – в каком-то детском отчаянии воскликнул Белозерский. – К чему тогда все эти чудеса техники, аппараты и приспособления, если мы ничем не можем помочь? Как же мы, зная, даже не попытаемся? Пусть бы тогда всё оставалось тьмой и тайной!

Княгиня встала из-за стола, подошла к нему, ласково взяла за плечо. Нет, не плачет, слава олимпийским богам! Не то это уже слишком. Она с ним время от времени разделяет постель. Плачущий мужчина, что может быть отвратительней!

– Саша... Даже если мы поставим в известность нашего славного прораба, электротехника и на все руки мастера, необходимо его согласие на операцию. А он его не даст. Откажется. И будет жить, зная, что у него в голове огромная опухоль. Возможно, он в это не поверит. Но и не веря, уже будет знать. А хуже мук сомнения только муки знания, как ты и сам догадался. Сомнения, возможно, единственный дар знания. Сомнения оставляют право на ошибку. Ошибка – это не всегда плохо. Иногда ошибаться приятно. Не поверишь, но есть такие ошибки, которые делают человека счастливым. – Она немного помолчала. Её унесло не туда. Надо сосредоточиться. – Саша, мы оставим Матвею Макаровичу его веру. Веря в то, что он здоров, он проживёт, возможно, долго и уж точно – счастливо. Преподнеси ему пластину со всем уважением и благодарностью. С аппаратом-то, стоит признать, он нам помог разобраться лучше, чем инструкция.

Белозерский взял снимок и скупсил физиономию, как мальчик, которому попала подмокшая хлопущка. Вера, усмехнувшись, посмотрела ему в глаза.

– Когда Адам набил первую оскомину от яблока с Древа познания добра и зла, первое, что он сделал: уставился на Еву примерно с таким же выражением, как ты сейчас. И задал ей тот же вопрос: «Но зачем?..»

– И что она ответила? – спросил Белозерский настолько заинтересованно и серьёзно, что Вера не выдержала и рассмеялась.

– Она ответила: «Я только предложила. Ты мог отказаться». Вера пошла к столу, указав ему на дверь.

– Но я не отказался! – воскликнул Александр Николаевич.

Вера Игнатьевна ответила, изображая Еву, насколько представляла себе её реакцию на подобное заявление Адама:

– За своё решение я расплачиваюсь тем, что в муках рожаю детей, – она немного помолчала и продолжила печально, – а не рожаю – в ещё больших.

Вспомнила, что она грозная Ева и, вообще, профессор и руководитель клиники:

– А ты ко мне лезешь с зелёным непрожёванным яблоком! Пошёл вон! До вечера!

Саша выскочил из кабинета.

На заднем дворе клиники весь цвет общества был в сборе. Иван Ильич беседовал с Матвеем Макаровичем. Георгий Романович сидел на ступеньках, курил, потирая бёдра. Они гудели. Но это была хорошая боль – значит, нервы работают, следовательно, бежит по ним жизненный ток. Так объясняла Вера Игнатьевна, а их высокоблагородие всегда права.

Исподтишка поглядывая на нового санитаря, Иван Ильич, снова-здорово, теребил Матвея Макаровича:

– Нет, ты мне скажи, Макарыч, на что мне электричество в конюшне?! Нам с лошадами балы после заката не давать!

– А допустим, у тебя кобыла ночью рожать начнёт.

– У меня не завод! Господам денег некуда девать, а я боюсь!

– Чего ж тебе бояться? Тебе только рычажком вертеть.

– Как чего же? Электричество – явление природы. Потому его надо опасаться. Ты Бога боишься?

– Допустим. Бога положено бояться. Но я, скорее, Бога уважаю. Чего мне его бояться, если я не грешник.

– Так уж и не грешник? – прищурился Иван Ильич.

Мастеровой ненадолго задумался.

– Как есть – не грешник. Чист! Ажно жены ближнего ни разу не пожелал, вот те крест! – Матвей Макарович размашисто перекрестился. – У меня своя такая, ах! – он расплылся в счастливой улыбке. – Люблю, как в первый день. Перед внуками стыдно. Родителей почитал, помогал, похороны справил как положено. Тёщу, чтоб ей, и ту уважаю безмерно и не оставляю заботами. Никому не завидовал. Ослов, и ещё каких, из таких ям вытаскивал, в любой из дней.

Иван Ильич рассмеялся и сказал:

– Скромный ты, Матвей, как красна девица.

– Так что ж я, к своим годам цены себе не сложил? Малахольный я тебе какой? Нечего тебе электричества бояться! Я им не первый десяток лет занимаюсь. Это помимо всего прочего. Вот, смотри, что пресса пишет.

Матвей Макарович достал газету, присел на ступеньки рядом с Георгием, развернул. Объявил торжественно:

– «Полиция и электричество». Это статья так называется. Про то, как устроено в Американских штатах. Как мы от них отстаём!

Статья аргументированно доказывала преимущества электрических приспособлений для спокойной жизни граждан.

– «...Внутренняя часть сигнального ящика напоминает собою часы. Центральную часть аппарата занимает циферблат, в верхней части его укреплен электрический звонок и рядом с ним небольшой рычаг. Нижняя половина циферблата разделена на одиннадцать кружков, в каждом кружке находится номер, а под каждым номером – слово, например: "воры", "побоище", "убийство", "несчастный случай", "в беспамятстве", "буйный алкоголик", "пожар" и прочие. Посреди циферблата укреплена длинная металлическая стрелка, которая легко приводится в движение рукою; конец стрелки ставится на то слово, которое обозначает причину происшествия, а рычаг, расположенный наверху, передвигается вниз. Спустя несколько секунд начинает звонить электрический звонок в знак того, что сигнал услышан, и через две-три минуты появляется уже мчащий во всю мочь мотор с сидящими в нём полисменами!» – торжественно завершил чтение Матвей Макарович. – Видишь, какая полезная субстанция – электричество!

Матвей Макарович обвёл слушателей победительным взглядом. Георгий сделал солидное лицо в знак согласия. Иван Ильич проворчал:

– Всё им електричество да мотор! Вонница одна от этих моторов и всякое душегубство! Молнию не приручишь. Божий промысел не прочухаешь. Такой тебе мой сказ!

На задний двор вышел Белозерский. Иван Ильич сразу подметил, что молодой барин чем-то расстроен, хотя вида не подаёт.

– Матвей Макарович, это вам! – протянул он пакет мастеровому. – Благодарим за помощь.

Матвей принял достойно, чуть поклонился, не слишком, а ровно так, как пристало. Извлёк из пакета пластину и продемонстрировал госпитальному извозчику. Иван Ильич отпрянул, увидев изображение черепа, перекрестился и сплюнул:

– Святые угодники!

Матвей с Георгием рассмеялись. А вот Белозерский даже не улыбнулся. И это заметил Иван Ильич, хотя и разобиделся внутренне на нового санитара: ишь, зубы скалит! Что у молодого барина за печаль, что он не хохочет? Он же сущее дитя, палец покажи.

– Вот без электричества, Иван Ильич, эдакая штука не вышла бы. Нужен ток в катодной трубке... А, без толку тебе объяснять! – Матвей Макарович повернулся к Белозерскому: – Нашли у меня чего, господя доктора?

– Нет. Здоров ты, Матвей Макарович!

– Чего ж говорите, как деревянный? Вы ж радоваться должны, что я здоров! Как и утверждал, – он внимательно разглядывал рентгеновский снимок черепа. – Смерть, господин доктор, сама знает, когда к кому...

– И электричество ваше ей для этого ни к чему! – ядовито вставил Иван Ильич.

– Идём, я тебе всё расскажу и покажу! – усмехнулся Матвей Макарович, бережно возвращая пластину в пакет.

Когда мастеровой с извозчиком ушли в сторону новой конюшни, Александр Николаевич присел рядом с Георгием. Протянул ему портсигар. Прикурили. Затянулись неспешно разок-другой. Белозерский участливо спросил:

– Болят?

– Когда ходишь – нет, а как сядешь!.. – он махнул рукой. – Слушай, Александр Николаевич, что за человек Иван Ильич?

– Славный мужик. Работяга. Безотказный. Надёжный. Ворчун.

– Сдаётся, невзлюбил он меня.

– Быть такого не может! Он только тех, кто нос задирает, не жалует. Ты не из таких.

На крыльцо выскочила Матрёна Ивановна, сияя, что полуваттная лампочка. Но, увидав Белозерского, потухла, как свеча Яблочкова²¹ к исходу своего часа. Сказала официальным тоном главной сестры милосердия:

– Георгий Романович, идёте обедать. Не то уже ужинать пора!

Георгий поднялся, и Белозерский отметил, как на мгновение на его лице сверкнула боль. Но как Георгий подавил боль, так и Белозерский сдержал естественный для него порыв: помочь инвалиду. Вера велела обращаться с Георгием как со здоровым, не оскорбляя его побрякками и вспомоществованием любого рода. Георгий разулыбался Матрёне, открыл перед нею двери:

– Прошу! С нашим удовольствием в вашей компании!

Он подмигнул Белозерскому, поправив ус.

– Ах вот оно что! – усмехнулся Александр Николаевич, оставшись один. – Ах ты, чёрт Буланов! Невзлюбил тебя Иван Ильич, говоришь? Ни за что, ага! А Матрёна-то, Матрёна!.. А что, Матрёна? Она только предложила, ты мог отказаться!

Он расхохотался, будто сам вот только что выдумал эту реплику. Решил выкурить ещё папиросу, и собираться пора. Прошен к Вере Игнатьевне. Надо бы заскочить домой, переодеться, прибарахлиться букетом и всем, что положено. Женщина всегда женщина, и если не сперва, то потом конфеты нужны. И цветы. И шампанское. Нет, водка или коньяк. Вера не любит шампанское.

В ординаторскую Белозерский зашёл в наипрекраснейшем настроении, будто не он вот только что был расстроен несколькими фактами: опухолью мастерового; запретом профессора предпринимать какие-либо действия, а равно сообщать мнимому здоровому о том, что он на самом деле болен, предположительно смертельно; мир несовершенен, несправедлив, *всё крайне глупо устроено... Et cetera*²².

---

²¹ Свечи Яблочкова – угольные дуговые лампы. Их хватало примерно на два часа службы. Именно с них началась электрификация Российской империи. В 1878 году свечи Яблочкова были установлены для освещения Михайловского манежа и Большого (Каменного) театра в Петербурге. Затем ими стали заменять газовые и масляные светильники на площадях и главных улицах больших городов.

²² Так далее (лат.).

Просторная комната была пуста. Александр Николаевич немного полюбовался, как тут всё теперь хорошо налажено: у каждого ординатора свой стол; для халатов – отменный шкаф. *Всё крайне умно устроено!*

Он снял халат, повесил на вешалку. В ординаторскую вошёл Концевич. Сегодня он оставался на амбулаторном приёме, поскольку всё одно принимал звонки по скорой помощи. В каком он настроении – по обыкновению невозможно было распознать.

– Хорошего дежурства не желаю, Дмитрий Петрович. Сам знаешь: плохая примета. Эх, скорей бы уже открыться-то!

Концевич не разделял энтузиазма Белозерского. Однако руку пожал. На выходе из ординаторской Белозерский столкнулся с Кравченко. И тому руку пожал. И упорхнул.

Концевич и Кравченко остались вдвоём. Кравченко сел за свой стол, начал писать. Концевич достал свёрток с провизией, присел на подоконник.

– Вы, Дмитрий Петрович, почему с персоналом не обедаете? Всех приглашали в сестринскую.

Концевич равнодушно пожал плечами. Откусил от бутерброда. Тщательно прожевал. Проглотил. И только потом ответил безо всяких эмоций:

– Не любят они меня.

– Авы их?

Снова: равнодушное пожатие плечами; откусил; тщательно прожевал; проглотил.

– Не люблю. Почему бы мне их любить? Я к ним прекрасно отношусь. Без них в нашей работе – никак.

– Вы бы продемонстрировали им своё прекрасное отношение. Трапеза – весьма удобный случай. Матрёна Ивановна пирогов напекла.

– Я никогда не демонстрировал им обратное. И не люблю я есть за общими столами. У каждого свои манеры, знаете ли. Иван Ильич наверняка чавкает, как свинья.

Владимир Сергеевич с удивлением посмотрел на Концевича.

– Вы всё-таки знаете, как зовут нашего извозчика?! Надо же!

– Зря иронизируете, Владимир Сергеевич. Возможно, я кажусь вам холодным. Но, смею надеяться, я никогда не давал повода считать меня дураком.

Владимир Сергеевич нервно отодвинул бумаги, поднялся и стал прохаживаться.

– Обратное не демонстрировали! Так продемонстрируйте прямое!

Концевич в очередной раз преспокойно откусил от бутерброда, тщательно прожевал, проглотил. Повторил процедуру.

– Вы будто и от еды удовольствия не получаете. Какой-то механический процесс!

– Почему Вера Игнатьевна на повторный вызов самолично поехала? – спросил он у Владимира Сергеевича, не реагируя на выпады в свой адрес.

– Профессор мне не подотчётен. Возможно, потому что у княгини Данзайр есть душа? В отличие от вас, господин Концевич. Без души никакого дела не сделаешь. В особенности *благого*] – последнее Кравченко произнёс едко.

– В любом деле, Владимир Сергеевич, человек – всего лишь аргумент заданных функций.

– Насколько я знаю, вы окончили гимназию с отличием.

– Я и в университете обучался на казённый кошт как особо одарённый, – отвесил Концевич лёгкий полупоклон.

– Вы точно знаете, что в алгебре аргумент заданных функций трактуется как «неизвестная» или же «переменная».

– Из той же алгебры мне ещё отменно известно, что уравнение суть равенство вида. И неважно, каким путём это равенство достигается.

Успокоился Владимир Сергеевич так же внезапно и, казалось, беспричинно, как и пришёл в волнение. Усмехнувшись, он вернулся за стол, к бумагам. Обмакнув перо в чернила, сказал:

– Отнюдь нет, Дмитрий Петрович. Решение уравнения достигается поиском тех значений аргументов, при котором *возможно* равенство.

Концевич наконец-то расправился с бутербродом, стряхнул крошки, смял обёртку в бумажный шар.

– Владимир Сергеевич, знаете ли вы, как с арамейского переводится слово «грех»?

– Буквально: «не попасть из лука в цель».

Дмитрий Петрович кивнул и отправил бумажный шар через всю просторную ординаторскую точно в мусорную корзину, стоящую у дверей.

На заднем дворе клиники Белозерский застал вернувшихся из конюшни Ивана Ильича и Матвея Макаровича.

– Не нравится мне! Не нравится! Не нравится, бог с ним совсем, с твоим электричеством, Матвей! – ворчал Иван Ильич.

Александр Николаевичу что-то это напомнило:

– Иван Ильич, ты ж вылитый отец Сисой.

– Какой я тебе ещё Сисой! Мало мне, барин, что ты меня начконом за глаза лаешь! Ты думаешь, я не знаю? – взъерепенился госпитальный извозчик.

Белозерский примирительно поднял руки, хотя и покраснел.

– Не я это! Клевету на меня возвели. Поклёп. Не я это, а Чехов. Антон Павлович. Знаешь такого?

– Ты, Александр Николаевич, свою вину на стороннего Чехова не сваливай. Знаю, что ты меня придумал начконом охаивать.

– Да не про то! Про отца Сисоя! Антон Павлович Чехов! Писатель такой был. И врач. Выдающийся человек. Умер недавно.

– Умер, так и царствие ему небесное, какой бы ни был, – бухтел Иван Ильич уже не так рьяно. – Вот если и умер человек, так точно он меня разнести не мог!

– Да не тебя! Он вообще всех разносил! Я ж тебе про отца Сисоя. Рассказ Чехов написал, «Архиерей», я тебе «Журнал для всех»²³ принесу, у тебя везде электричество горит, хоть где читай.

– Как мне – так для всех, оно как же!

Матвей Макарович не смог сдержать смех. Иван Ильич вдруг как-то искренне всхлипнул.

– Что ты, родной мой! – искренне расстроился Белозерский, которому, честно говоря, тоже еле удавалось подавлять в себе чрезмерную шутовскую шутливость. – Это у журнала такое несуразное название: «Журнал для всех», вот тебе крест! – Александр Николаевич размашисто перекрестился. – Ты-то у нас особенный! Провалиться мне на этом месте, ты единственный и неповторимый, уникальнейший! – забалтывая Ивана Ильича, Саша обнял его за плечи, отвёл к крыльцу, усадил, раскурил ему папиросу, присел рядом и снова обнял. Продолжил ласково-ласково: – «У Еракина нынче электричество зажигали... Не ндравится мне! Не ндравится! Не ндравится, бог с ним совсем!» Ты не вздрагивай, дядь Иван! – с родным дядюшкой, имейся у него таковой, Белозерский не был бы нежнее и искреннее. Хотя и смеяться ему хотелось нешуточно. – Это я тебе как раз рассказ цитирую, из-за которого ты тут сыр-бор развёл.

– Я?! – Иван Ильич снова взвился.

– Тише-тише, – прижал его к себе Саша, нежно, но с медвежьей силой. – Ну не я же. Там хорошо про этого Сисоя прописано. Он там, может, единственный, не разделанный Чеховым

---

²³ Рассказ А. П. Чехова «Архиерей» был напечатан в 1902 году, в апрельском номере «Журнала для всех».

под орех. Разделанный, разумеется – таков уж был этот Антон Павлович, – но не под орех, а под любовь, понимаешь?

Иван Ильич уткнулся Белозерскому в плечо. Матвей перестал хохотать, присел с другой стороны, обнял Ивана Ильича и совершенно искренне, хотя и не без смешинки, тоже сказал своё веское слово:

– Бабы, Ваня, хуже электричества!

Белозерский сделал Матвею Макаровичу знак глазами: уведи его куда-нибудь, не дай бог его тут кто, кроме нас, заметит, не оберёмся потом – от него же!

– Идём, Иван Ильич, ко мне в рабочее помещение. У меня там отличная жидкость есть. Чехов такую не брезговал, вот и мы опрокинем, чтобы душа не болела, – Матвей Макарович помог Ивану Ильичу подняться, промокнул ему лицо рукавом и повёл в сторону хозблока. – Этот Чехов, между нами говоря, Ваня, ничем не брезговал. Он как-то сказал: «Чихают и мужики, и полицмейстеры, и иногда даже и тайные советники»²⁴. Сказал как отрезал, а я всё помню. У меня память, Вань, как есть фотопластина! И нечего, говорит, помирать, если тебе на лысину начихали. И уж точно нечего помирать, если ты кому на лысину начихал. Жизнь – такая штука, говорил мне Антон Палыч, что хочешь – так живи, а не хочешь – вешайся. И рубанул: жизнью, Матвей Макарыч, не надо брезговать в любых её проявлениях. Я ж с ним пил, с Антон Палычем, Вань. Он мне так и заповедал: наплюй и пойдём водку пить! Так что, Иван Ильич, ты наплюй, пойдём водку пить! Ты, считай, с Чеховым знаком через один стакан. Дело как, Вань, было? Вызывает меня как-то Лев Николаевич Шаповалов²⁵ – сотрудичал я с ним, хоть он и московский, – в Ялту, работу работать, понятно. Ну, прибываю, честь по чести...

«Да ну, чёрт! Не может быть! Хотя после Попова – отчего бы и нет?! – Белозерскому очень хотелось побегать за Матвеем Макаровичем и послушать историю. Но не мальчишка же он, в конце концов! К Вере Игнатьевне охота. – Надо же! С такими людьми Матвей Макарович ругался, а у него вместо полбашки – опухоль. И не помочь никак. Или помочь?..»

Он стоял и смотрел вслед удалявшейся парочке крепких мужиков. Дурацкая «соль земли русской» лезла в голову. Тут из клиники выскочила Ася, изрядно напугав его окриком:

– Александр Николаевич!

Он аж подпрыгнул. «Соль» просыпалась из головы. Ася была какая-то... Вот может быть человек одновременно и весёлым, и тревожным?

– Что-то случилось, Анна Львовна?

– Нет, ничего. Но мне кажется... – она склонилась ближе и произнесла интимным шёпотом: – Мне кажется, что Владимир Сергеевич, он... он...

– Ах, это! Ну конечно же! Он влюблён в вас, Анна Львовна. Это вся клиника знает, включая Клюкву. Она, поди, уже и новым лошадам рассказала. Вот уж, правду говорят: те, кого мы любим, – слепы.

– Авы? – Ася по-детски скуксилась. Признаться, она приняла немного... совсем немного... чтобы только взбодриться. Чтобы осмелиться вызвать у Белозерского ревность. Как глупая маленькая девочка. Она и есть глупая маленькая девочка.

– Что – я? – простодушно удивился Белозерский.

– Вы... вы разве... вы разве не влюблены... в Веру Игнатьевну?! – последнее она выпалила, чтобы совсем не растерять остатки девичьего достоинства.

– Друг мой! – он взял её за руку.

Для него это был действительно всего лишь дружеский жест. У этого милейшего молодого мужчины изрядная доля общительности была построена именно на прикосновениях. Рука

²⁴ А. П. Чехов действительно такое говорил. И даже написал в рассказе «Смерть чиновника». Милейший Матвей Макарович ничуть не ошибается.

²⁵ Архитектор А. Н. Шаповалов – автор «Белой дачи» Чехова в Ялте.

Аси у него вызывала ту же нежность, что и плечо или мокрое лицо Ивана Ильича. Не больше, но и не меньше. Увы, Асе чудилось в этом нечто иного рода.

– Мой дорогой друг, – повторил Белозерский, держа Асю за руки и глядя ей в глаза. – Увы, я не влюблён в Веру Игнатьевну. Увы мне и ах мне, я люблю её. Люблю глубоко. Это сильнее. Больше. И... хуже. Вы, дружочек Ася, господина Кравченко не отвергайте. Это только кажется, что он неромантический, сдержанный. Он – морской офицер. Владимир Сергеевич знает цену бурям.

Белозерский поцеловал Асю в щёку, затем поцеловал Асе руку.

– Да завтра, Анна Львовна, до завтра!

Он стремительно зашагал со двора.

Сколько времени Ася стояла столбом – бог весть. *Средство*, что она изредка позволяла себе принимать – думая про него не иначе, как про «*средство*», – лишало её иногда некоторых восприятий, укорачивало или растягивало время по собственному его, *средства*, произволу. Очнулась она, когда её коснулся Иван Ильич.

– Ладно ты, молодая! Тебе можно и нужно! А я, вишь, старый дурак, по Матрёне сохну! Оно мне надо, бисова баба, мать её итить?! Мне, вона, Матвей Макарыч объяснил всё по Чехову: брак – это пошлость!²⁶ Пошлость, Ася, это вроде дешёвенькой упряжи. Негодная вещь, вот что пошлость.

Ася только сейчас поняла, что продрогла и что у неё мокрое лицо. Ей стало мучительно жаль Ивана Ильича, она и представить не могла, что он равнодушен к Матрёне. Разве в его возрасте такое бывает? И в возрасте Матрёны? Ася улыбнулась, представив, что она такая старая и вдруг бы была влюблена. Но тут же, устыдившись своих мыслей, она прислонилась к Ивану Ильичу. Он погладил её по голове, как погладил бы лошадь. Это была самая душевная ласка в арсенале Ивана Ильича.

– Ну будет, будет мочу из глаз лить. У нас теперь уборные с электричеством, не промахнёшься.

Ася искренне рассмеялась незамысловатой шутке.

– Матвей Макарович уже ушёл?

– А чего ему тут ночи напролёт маяться? Работник он справный. Дело делает – и домой! Он же не бобыль вроде меня. У него жена любимая, у него жизнь живая, а не пошлость. Он счастливый мужик, Матвей-то, хоть завтра умри, хоть сегодня – счастливый, такие сразу в рай, потому что жили непошло! Во! – Иван Ильич, хоть и натурально надрывался сейчас, однако новое ценное слово, подарок Матвея Макаровича, вертел и так и сяк, запоминая, осмысливая.

– Всё, приканчиваем эту пошлость! Идём по своим фронтам! – махнул рукой Иван Ильич, поцеловал Асю в лоб и слегка неуверенным ходом двинул в сторону конюшни.

Раздался дверной звонок. Вера, наряженная фривольно – кроме Белозерского она никого не ждала, – отправилась открывать двери. Признаться, и настроение у неё было в самой высокой степени легкомысленное. Александр Николаевич приносил ей радость, и она нисколько не мучилась на сей предмет. Два совершеннолетних человека по обоюдному согласию собираются приступить к одному из самых приятных занятий. Это только пошляки разводят вокруг этого бог весть что.

Она распахнула двери и... На пороге стоял не совсем Александр Николаевич. Точнее, это был совершенно точно не Александр Николаевич. Это был абсолютно другой мужчина. Сейчас ему без малого шестьдесят, но стройный, крепкий, и, если не считать морщин, он ничуть не изменился. В руках у него был шикарный букет и увесистый пакет, надо полагать, с бутылкой и конфетами.

---

²⁶ Именно так сказал Чехов и... женился на актрисе.

Немая сцена.

Первым заговорил мужчина:

– Здравствуй, Вера!

Вера Игнатъевна молчала, не в силах пошевелиться.

– Этот визит я собирался нанести несколько месяцев назад. Но обстоятельства изменились. Сегодня же они изменились кардинально. А увидев тебя в Царскосельском госпитале... Мог ли я далее откладывать, сама посуди! Поздравь же меня. Сегодня утром я овдовел.

– Поздно, Дубровский! Я жена князя Верейского! – пролепетала Вера.

– Ты совсем не изменилась, – усмехнулся визитёр. – Я войду?

– Я жду гостей.

Мужчина окинул её красноречивым взглядом:

– Скорее, гостя. Если ты, конечно, не погрузилась в пучину дионисийских развлечений.

Пока Вера и внезапный посетитель буравили друг друга взглядами, по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, поднимался Александр Николаевич, насвистывая что-то жизнерадостное. Вот он подошёл к двери. В руках у него был точь-в-точь такой же шикарный букет и ровно такой же увесистый пакет, вероятно с бутылкой и конфетами.

– Здра... ствуйте!

Вера молчала. Если бы Белозерский видел хоть что-то, кроме мужчины, смутно ему знакомого, он бы заметил, что впервые за всё время его знакомства с княгиней она ведёт себя не как профессор Данзайр, герой войны, а как маленькая растерянная девочка.

Мужчина взял инициативу в свои руки. Кое-как устроив пакет с букетом под мышкой, он протянул большую сильную ладонь Белозерскому:

– Покровский Илья Владимирович. Фабрикант. Старый друг Веры Игнатъевны.

Белозерский был ошарашен. И более всего боялся выглядеть ошарашенным. Учитывая, что он не раз, ещё мальчишкой, видел этого Илью Владимировича в доме батюшки, а возможно, и на коленках у него сиживал. Потому он тоже пристроил букет и пакеты и горячо пожал протянутую ладонь:

– Белозерский Александр Николаевич. Врач. Нестарый друг Веры Игнатъевны.

Вера прыснула.

Всё это действительно выглядело очень комично.

Глава V

Матвей Макарович проснулся в прекрасном настроении.

Жена уже встала, как было у них заведено. Она любила содержать кормильца по самому высокому разряду. Кофе огненный. Золотистые сырники, с пылу с жару – с малиновым вареньем. Матвей Макарович был неприхотлив и вполне удовлетворялся простейшим царским завтраком. Говорят, Николай Александрович Романов из года в год поутру сырниками трапезничает, ну и Матвей Макарович Громов тоже из простых. Так что супруга всегда поднималась прежде него. Не исключая дни знаменательные, на которые приходилось торжественное открытие каких-нибудь значимых зданий и выдающихся строений, выставок, иллюминаций, садов и парков, и многого прочего, в создании чего принимал не последнее участие обожаемый муж. А в таких случаях – и ещё раньше, дабы удостовериться, что с вечера приготовленный костюм в идеальном состоянии и на обувь блеск наведён как следует.

Громова неимоверно гордилась Матвеем Макаровичем. Они так давно были вместе, не переставая любить, как в первый день, что стали одним целым. Алёна Степановна не слыхивала об андрогинах, а Матвей Макарович хотя и читал диалог Платона «Пир», но глубоких смыслов в нём не усмотрел, он и так понимал, что исцелить человечество может только единение в любви. Счастье – это любовь плюс системная модернизация всей страны по Столыпину²⁷.

Матвей Макарович сел на кровати. Неспешно потянулся, зевнул, перекрестил рот. Поднялся и пошлёпал на кухню. Алёна как раз накрывала на стол. Он обнял жену, как обнимал её каждое утро, подкравшись сзади. Она всегда ждала этой нехитрой ласки, в которой изящества было много больше, нежели могло показаться. Супруга не среагировала! Вот тебе на!

– Доброе утро, Алёна Степановна! – громогласно-шутливо произнёс Матвей Макарович, успев с перепугу перебрать все свои возможные прегрешения. За всю жизнь Алёна, может, дважды не откликнулась на его утреннее объятие. Да и то это было совсем по молодости. Матвей Макарович игриво шлёпнул её пониже спины. Алёна Степановна осталась равнодушной. Притом выражение лица у неё было самое довольное, она поправляла и без того идеально расставленные приборы. Улыбаясь, повернулась к печи – пора было доставать румяные сырники.

– Что ж не слава богу, Алён?! – пробормотал растерявшийся Матвей Макарович. Но тут же взял себя в руки и пошёл на жену в атаку с объятиями, лукаво усмехаясь: – А ввечеру довольная была. Никак, приснилось что? Как было, помню, приснилось тебе, что у меня с Зинаидой шуры-муры. А я знать не знаю, что за Зинаида такая. Я за твои, знаешь, фантазии, Алёнушка, ответственность несть отказываюсь.

Супруга ловко выскользнула из его захвата, даже горячий противень его не ожёг, хотя коснулся. Пока он стоял дурак дураком, жена ловко переложила сырники на блюдо, накрыла чистой салфеткой. И, делая вид, что совершенно не замечает его, вышла из кухни. Матвей Макарович всплеснул руками с нешуточной досадой.

– Чёртова баба! Что ж такое-то?! – и пошёл за подругой жизни, ласково воркуя: – Алёнонушка-а! Хоть расскажи, что тебе такое причудилось. Мне вот никогда ничего не чудится. Когда чудится – ты перекрестись, Алёна Степановна, и всё как рукой!

---

²⁷ Столыпин Пётр Аркадьевич, выдающаяся личность. Среди его невероятных реформ была и реформа образования. Он разработал законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», целью которого было обеспечение образованием всех. В период столыпинских реформ финансирование начального образования увеличилось в четыре раза. К сожалению, Столыпина убили в 1911 году. А последующая всеобщая грамотность была задекларирована лишь в 1930-м, постановлением ЦИК и СНК СССР. История не знает сослагательного наклонения, но знать её – желательно. Отнюдь не Советский Союз впервые озаботился всеобщим начальным образованием. Столыпин этим – и не только – вопросом занимался задолго до Октябрьской революции.

В коридоре Матвея Макаровича обшипела кошка Мурка, его любимица. Он к ней руку протянул, чтобы погладить, успокоить, так она вся выгнулась дугой, шерсть дыбом, глазища по пятаку. Первый раз в жизни Матвей Макарович от Мурки руку отдернул. А ей уж лет восемь, что ли? Ни разу неласковой не была.

– Мурка, ты-то чего?! Побесились вы, что ли, все сегодня?!

Он поторопился за женой, скрывшейся в супружеской спальне.

Алёна Степановна склонилась к постели, и Матвей Макарович с порога услышал её ласковый голос:

– Матвей Макарыч, я завтракать накрыла. Вставай уж! У тебя поутру торжественное открытие объекта! Костюм готов. Вставай, родной. Что-то ты нонча заспался.

Матвей Макарович не на шутку перепугался. Никак, с ума сошла его Алёна Степановна?! С чего бы?

– Деньги есть. Обихаживаю, как молодую. Во Францию всё сильно хочет, так в этом году собирался повезть наконец. Ялта ей, вишь, не Ницца! Ох, раньше надо было в ту Ниццу. Теперь-то как?! – прошептал Матвей Макарович, перекрестившись на красный угол. – Должно как-то ласково... Я ж не знаю, что положено делать, когда так-то оно? Алёна Степановна, а, Алёна, – со всей отмеренной ему нежностью позвал Матвей Макарович, остерегаясь отчего-то подойти поближе.

Алёна Степановна присела на край кровати и обратилась к скомканному одеялу:

– Матюша, будет! Просыпайся!

Его супруга, эта совершенно здоровая ещё вчера женщина, стала тормошить скомканное одеяло, тревожно заголосив:

– Матвей! Матвей! Господи, что с тобой?

Матвей Макарович бесстрашно ринулся к жене, чтобы как-то встряхнуть её, привести в чувство. Пообещать ей скорее скорого ту Ниццу, ведь он отменно заработал на реконструкции клиники. Но резко затормозил, утратив дар речи. На кровати лежал... он сам. Собственной персоной. Откинув смятое одеяло, жена тормошила его изо всех сил. А он сам... *тот* он сам... лежал без движения и тарасился в никуда раскрытыми бессмысленными глазами.

– Матвей! Матвей! – заполошно голосила супруга.

– Да здесь же я! – во всю глотку проревел Матвей Макарович. Но Алёна Степановна не слышала его. Он схватил её за плечо – она не почувствовала. И продолжала сотрясать тело *того* Матвея, которого Матвей Макарович тоже видел... Похоже, с ума сошла не Алёна Степановна.

– Я здесь, – пролопотал он обессиленно. Ещё раз поглядев на кровать, добавил с глубочайшим недоумением: – И там я... Нет, ну я-то – здесь!

Алёна Степановна вскочила, пронеслась мимо Матвея Макаровича, не почувствовав его. Через несколько мгновений вернулась с зеркальцем. Поднесла к носогубному треугольнику Матвея, лежащего на кровати. Зеркальце запотело.

– Живой! – выдохнула она.

– Конечно живой! Какой ещё?! Вот он я! Что с тобой, Алёна? Или со мной? Царица небесная, что творится-то?!

Матвей Макарович осенил себя крестным знаменем.

– Я сейчас, милый! Я мигом! Я быстро!

Алёна Степановна выбежала из спальни. Матвей Макарович некоторое время глядел на *того* себя. Затем ему на глаза попался снимок черепа, стоящий на подоконнике. Размышлять было некогда. Действие эффективней размышлений, когда размышлять не о чем. Сперва надо выяснить параметры задачи. А потом уж размышлять над решением. Матвей Макарович бросился следом за женой.

Жил Матвей Макарович на первой от Санкт-Петербурга станции по Варшавской железной дороге. Место было незатейливое, но Громовых всё устраивало. Была у них и квартирка

в Питере, там жила старшая дочь, а Алёна Степановна в городе жить не желала. Но и далеко забираться не хотела. Так что поселились среди зимогоров, рабочих и мелких служащих. Матвей и сам рабочий человек. А что высочайшей квалификации – этим он, безусловно, гордился. Но никогда важничал, нос не задирает.

Деньги имелись, имелись и знания, и связи. Ничто из этого не превратило славного Матвея Макаровича Громова в кого-то другого. «Если не считать того, что меня теперь раздвоило!» – неуместно хмыкнулось Матвеем Макаровичу, широко шагавшему рядом с запыхавшейся супругой. Поначалу он ещё пытался до неё докричаться, но вскоре оставил бесполезные попытки. Выглядела Алёна Степановна сейчас не очень. Никогда бы прежде она вот так, заполюшной, из дому не выбежала. Даже на станцию железнодорожную сбегать.

– Алёна Степановна, что ж ты простоволосая! Сама потом сердиться будешь.

Супруга отмахнулась от него. Он обрадовался: услышала! Но нет, всего лишь заправила за ухо выбившуюся прядь.

– Всю жизнь ты у меня, Алёна, выдумщица! И меня заразила на старости лет. Я попросту сплю. Мне снится чепуха. Во сне это всё, во сне! Это оттого, что мы вчера переусердствовали... с забавами! – Матвей Макарович самодовольно усмехнулся. Пожал плечами: точно сон. Никогда бы он в жизни такое не сказал на людном перроне. Была пора мелкого чиновника. Рабочий люд раньше отъезжает.

– Да погоди же! Куда ты несёшься, как шальная! – Матвей Макарович ухватил жену под локоток.

Но Алёна Степановна снова будто бы отмахнулась от Матвея и нечаянно задела дачника, выбив у него из рук корзинку со всякой домашней снедью. Не извинилась, не обернулась, не бросилась помогать. Совсем на неё не похоже. Матвей Макарович присел на корточки, желая помочь бедолаге.

– Простите! Чего-то баба моя не в себе с утра.

Но тот только недовольно бурчал. Оно и понятно. Какие извинения, если пироги наземь просыпались. Никуда не годится!

– Ну и бог с тобой. Я извинения принёс, а ты уж куда хочешь их прилаживай или нет, коли без нужды.

Матвей Макарович поспешил за женой. Алёна Степановна ворвалась в кабинет начальника станции. Тот спокойно сидел за столом, разглядывая возвышающуюся грудку бумаг, разбирать которые он был не большой охотник. Вот уже и покурил, и походил, и только было собрался... Его, к стыду, обрадовало явление Громовой: раскрасневшаяся, запыхавшаяся, без платка, без шляпки. Бумаги подождут!

Из кармана передника Алёна Степановна вынула смятую бумажку.

– Пётр Николаевич, Матвеем Макаровичу плохо! Надо звонить срочно вот сюда! – она протянула клочок с цифрами.

Матвей Макарович поздоровался со старым знакомым. Уже не удивился, что Пётр Николаевич не ответил. Матвей Макарович всё больше склонялся к тому, что спит. Хотя настолько реалистичный сон он видел впервые за всю свою долгую жизнь.

Начальник станции тут же стал вертеть ручку аппарата. Спросил коротко:

– Что с ним?

Алёна Степановна не стала тратить лишние слова и изобразила пантомиму: закинула голову навзничь, раскинула руки, вытаращила глаза, замерла на мгновение. Это было до того потешно, что Матвей Макарович засмеялся во весь голос. Но никто его весёлый смех не подхватил. Жена горестно пояснила:

– Бужу его, а он ни жив ни мёртв. Не шевелится, но дышит.

– Барышня! Соедините! – начальник станции сердито назвал в трубку цифры.

– Что вы, черти, людей зря тревожите? Зачем госпиталь? Я сейчас сам туда отправлюсь, сегодня же открытие торжественное, с ленточками. Я и на банкет приглашён, честь по чести! Сейчас, только проснусь!

Матвей Макарович крепко зажмурился и приказал себе проснуться. Но ничего не вышло. Он сжал кулаки от бессилия. Подошёл к столу и треснул по кособокой пирамиде бумаг. Те разлетелись. Алёна Степановна ахнула, обернулась. Кинулась собирать листы. Матвей Макарович обрадовался: никак заметила наконец, баба-дура!

– Это состав грузовой приближается. Вибрация. Я как раз собирался заняться, на честном слове держались. Оставьте!

– Это я, Алёнушка! – в бессильном отчаянии закричал Матвей Макарович. – Я бумаги сбросил, не вибрация! Я, не вибрация! Я – не вибрация!

Грохот нарастал. Состав приближался. Алёна Степановна выдохнула, перекрестившись.

– Я привычный... Община Святого Георгия? Тут супруга Матвея Макаровича Громова. Позовите мне кого посерьёзней!.. Что?.. Так извольте побежать и пригласить! – рывкнул в трубку Пётр Николаевич. Это ему было не привыкать.

– Торжество, вишь, у них, – объяснил он Алёне. – Человеку плохо, а у них торжество!

– Он же там и должен быть, на торжестве!

Алёне Степановне захотелось расплакаться, по-бабьи подвывая. Но Пётр Николаевич воздел указательный палец, призвав не распускаться, и начал что-то говорить, говорить. Он знал, как призывать к порядку. Знал, что такое женская истерика и как её гасить. Он знал, что такое взывать к разуму, а Алёна Степановна Громова была разумной женщиной. Заболтал, иными словами, не дав расклеиться. Матвей Макарович хоть и был на грани отчаяния, однако стационарным начальником восхитился.

Вот к трубке подошёл «кто посерьёзней». Изложив дело, стационарный начальник велел Алёне Степановне идти домой и ждать карету с врачами. Немедленно выдвигаются.

На телефонный звонок, поступивший в клинику «Община Св. Георгия», ответила Бельцева Марина. Она две недели как выписалась из Царскосельского госпиталя и прибыла по адресу, обозначенному в визитке, что оставила ей Вера Игнатьевна. Больше, признаться, идти ей было некуда. Её приняли в младшие сёстры милосердия, с минимальным содержанием, но она была рада и этому.

О последнем месте службы вспоминать не хотела. Хотя и задолжали ей там за несколько месяцев, это не считая всего остального, о чём Бельцева предпочла бы забыть навсегда. Тем не менее Вера Игнатьевна потом передала Бельцевой и всю сумму, причитавшуюся ей как горничной, и бумагу с прекрасными рекомендациями, и отдельный листок о том, что никаких претензий к Бельцевой Марине господа не имеют. Марина была счастлива. Чистая койка, хорошая еда, доброе окружение и работа, нужная людям. Она немного боялась не справиться, когда клиника откроется. Но Ася Протасова, с которой Бельцева успела сойтись, уверяла, что научиться всему достаточно легко, и у Марины быстро получится.

Бельцевой очень нравилось говорить в телефонную трубку:

– Госпиталь «Община Святого Георгия».

Это звучало куда важнее, и приятней, и чище, чем «дом господ таких-то!»

Правда, выяснилось, что тут нельзя сослаться на то, что все заняты торжеством, и никто не подойдёт. Потому Бельцева побежала в сторону парадного входа, где и проходила церемония торжественного открытия клиники после реконструкции.

Фасад был отремонтирован на славу. И разоделась сегодня все в пух и прах. Вера Игнатьевна, чаще всего предпочитавшая мужскую одежду, была сегодня в великолепном женском наряде. Бельцева каждое утро и каждый вечер молилась за Веру Игнатьевну. Но она не понимала, как можно носить мужское, когда тебе так к лицу женское.

Даже начальник госпитальной конюшни, Иван Ильич, был одет с иголки, причёсан, и сапоги его немилосердно скрипели. Марина Бельцева его, признаться, побаивалась. Он ей казался суровым, хотя абсолютно все свидетельствовали, что это не так.

Был весь персонал, все врачи, все средние и младшие, студенты и полуплекарники, представители всех служб. Присутствовали два важных господина, которых Бельцева не видала прежде, но с которыми была весьма почтительна Вера Игнатьевна. Один из них был явно побогаче, а второй казался из таких, что в университетах преподают.

Профессор Данзайр заканчивала речь. Бельцева выскочила на крыльцо и остановилась, не желая прерывать своего кумира.

– ...Всё это стало возможным благодаря помощи Николая Александровича Белозерского. Великолепного человека и прекрасного гражданина! Хотя и богатого, – последнее профессор Данзайр произнесла с улыбкой. Присутствующие одобрительно рассмеялись. Вера Игнатьевна продолжила: – Именно ему предоставляется честь открыть нашу клинику после масштабной реконструкции. Без таких людей, как Николай Александрович, обновление невозможно!

Ася подала Вере поднос с хирургическими ножницами. Вера с поклоном поднесла поднос тому, кто выглядел respectable богачем. Богатей Николай Александрович взял с подноса ножницы, поклонился Вере Игнатьевне.

– Благодарю вас, Вера Игнатьевна!

Но перерезать ленту не спешил, с несколько театральным недоумением он повертел в руках ножницы. Обратился к собравшимся:

– Княгиня Данзайр употребила слово «обновление». Замечательное слово. Любое обновление зиждется на созидании. Вы знаете, как серьёзно я сам отношусь к упаковке. На моё товарищество работают лучшие художники, великолепные мастера. Мне приятно, что во многих и многих домах Российской империи в моих банках-жестянках хранят всякую мелочь вроде пуговиц, открыток или ассигнаций.

И снова собравшиеся рассмеялись.

– Но я уверен, что числюсь императором кондитеров вовсе не благодаря упаковке. А благодаря содержимому. Потому высокая честь перерезать ленточку на обновлённой упаковке клиники по праву принадлежит создателю содержимого. Человеку, без чьего доброго ума, щедрого сердца и талантливых рук нам не представилось бы счастливого случая обновить упаковку.

Respectable с поясным поклоном подал ножницы тому, кто был похож на университетского преподавателя:

– Профессор Хохлов, прошу вас!

У того глаза, казалось, были на мокром месте.

– Прошу, прошу вас, Алексей Фёдорович! По праву создателя! К тому же это хирургические ножницы, вам с ними сподручнее, я ещё не так чего отрежу.

Публика улыбалась, а некоторые и слезу утирали, например Иван Ильич и Матрёна Ивановна. Ася рыдала взахлёб. Один только молодой доктор, Дмитрий Петрович, хранил ровное выражение лица. Молодой красавец, Александр Николаевич, сын богатого господина, как-то странно поглядывал на Веру Игнатьевну. Профессора Хохлова стали подталкивать к ленте. Он обратился к публике:

– Я надеюсь... Я уверен... Я – счастлив!

Больше ничего сказать не смог. По лицу его катились слёзы. Так бывает и когда человек счастлив, наверное. Бельцева не помнила, чтобы она плакала от счастья хоть когда-нибудь. Но профессор Хохлов много-много старше неё. Он, скорее всего, уже плакал от всякого.

Ничего более не сказав, он повернулся к ленточке и перерезал её на хирургический манер. Ася уже объяснила Алёне, как это: одна бранша поверх другой, чтобы, не дай бог, не срезать узел на наложенном шве. Раздались бурные аплодисменты. Тут Бельцева и вспомнила,

зачем она выбежала из дверей и подошла к Вере Игнатьевне: доложить! Выслушав, профессор выругала её, что с таким делом надо невзирая и не дожидаясь! Здесь не балы!

Ещё и Иван Ильич накричал, а говорят: добрый. Тут же ради своего друга Матвея Макаровича скоро-скоро пару новых лошадок «засупружил». Доктором отправился Александр Николаевич. Вера Игнатьевна ему что-то строго выговорила. Но тихо. Не подслушивать же! Марина и горничной не подслушивала. А теперь она – сестра милосердия, пусть и младшая пока. Сестре милосердия подслушивать вовсе не клицу. Стыдно.

Матвей Макарович сидел в спальне на широком подоконнике и смотрел на *того* Матвея Макаровича, что лежал на кровати. И никак не мог понять, отчего его кошмарный сон так затянулся. Хотя время во снах течёт иначе. Нет его, времени, во снах. А что такое вообще есть время само по себе? Время – это сравнительное понятие, сравнительно-количественное. Фундамент мерности и метричности – весьма условный фундамент, не существующий без, собственно, мерности и метричности. Когда говорят о безмерности, предполагают отсутствие именно мерности и метричности, а вовсе не самого времени. Но тянуться безмерно может только время, которого нет. Например, время кошмарного сна.

Никогда наяву Матвея Макаровича не интересовали такие глупые бессмысленные вопросы. Безмерно бессмысленные вопросы! Он усмехнулся. Взял в руки рентгеновский снимок черепа. Вгляделся, силясь рассмотреть что-то значимое в сувенире. Тут было всё ясно: индукционная катушка, катодные лучи в трубке – через определённое время получите изображение на пластину, распишитесь.

«Может, это оно и есть, что бормотал со страху Иван Ильич, "душу вынуть"? Лампочки эти ваши, ворчал, это вот вы из молнии душу вынули! Я ж ему всё объяснял, и мужик он сообразительный. А он всё твердил: "не надо в устройство молний лезть, не то все из себя выпрыгнем!" Но он-то хоть во хмелю нёс. А я что, трезвый из себя вышел?»

Матвей Макарович поставил снимок, слез с подоконника, подошёл к кровати и присел на край рядом с Алёной Степановной, которая держала за руку не его, а *того*... тоже его. Из которого он, предположим, вышел. Хотя рациональный прагматик Громов всё ещё принимал происходящее за кошмар, от которого он вот-вот очнётся. Жена его не слышала и не чувствовала. Он вздохнул, аккуратно потрогал... *того*. Тёплый. Развёл руками. Спросил у *того*: «Как теперь обратно? Ты это, просыпайся, что ли?!» Может, чтобы... *тот*... проснулся, мне надобно уснуть?

Он обнял Алёну Степановну, положив голову ей на плечо, закрыл глаза. Послышался топот копыт. Супруга вскочила, подбежала к окну, ахнула, выбежала из спальни. Матвей глянул: госпитальная карета. На козлах Иван Ильич и Георгий Романович. Из кареты спрыгнул Александр Николаевич. Матвей Макарович вдруг понял, что знает про Георгия то, чего не знал раньше. Тут же разозлился на Ивана Ильича, который всё молчит да молчит с санитаром, всё глядит косо на него, всё дуется и пыжится, словно пивень перед кур кою. Стоп! Это вот прямо сейчас как раз Иван Ильич такое думал не разбери про что. При чём тут пивни да курки?! Тьфу ты, петухи и курицы! Матвей ни за что бы раньше не подумал малороссийским наречием. Наваждение какое-то, ей-богу!

Иван Ильич спешно спустился с козел, беспокоился он за товарища своего, славного дружка Матвея Макаровича. Бросил ядовитый взгляд на замешкавшегося Георгия: обувка у того – не по чину простому человеку. Не пойми: и не ботинки и не сапоги. Ишь, строит из себя! Штаны тоже фасонистые. Георгий ничего из себя не строил, сказать по правде. И собирался прояснить вопрос с Иваном Ильичом, но всё как-то не с руки.

Алёна Степановна бросилась к Белозерскому, врача признать было нетрудно. Да и рассказывал Матвей Макарович про всех. Так что знала, что за птица. Хвалил Матвей его, надо сказать, хоть и посмеиваясь.

– Господин лекарь! Александр Николаевич! Лежит Матвей Макарович, в потолок смотрит. Будто бы... спит. Только так, что не добужусь никак, – она перекрестилась. – Словно есть он и словно – нет его!

– Какая интересная формулировка, – пробормотал Белозерский. – Здравствуйте, госпожа Громова! Пойдёмте же скорее к нему!

Матвей Макарович во двор и не выходил. С подоконника наблюдал. Сейчас вся процессия всё одно сюда зайвится. Глядеть на *того*, другого Матвея Макаровича. А этого-то, *его самого* собственной персоной, никто и не видит. Если уж Алёна не чувствует, тут и Иван Ильич не рассмотрит. Куда уж молодому доктору! Хотя чем чёрт не шутит!

Матвей Макарович взял снимок и рванул с ним навстречу вошедшему Белозерскому.

– Александр Николаевич, объясни мне, грешному, воля твоя...

– Ах ты! Сквозняком уронило костлявую! – всплеснула руками Алёна Степановна. – Я окошко растворила, чтобы воздух... вот дверь рванула и...

Действительно, когда Громова открыла дверь в спальню, с подоконника рухнула рентгеновская пластина и разбилась.

– А и хорошо! – радостно воскликнула она. – Где ветер – там и душа!²⁸ Негоже было эту пакость здесь ставить, да уж он так гордился!

Алёна Степановна всё-таки разрыдалась. Иван Ильич взял заботы о женщине на себя, строго кивнув Белозерскому на Матвея, мол, не мешкай!

– Ты чего это о мужике в прошедшем времени?! – строго прикрикнул он, обняв Алёну. – Сейчас мы его враз на ноги поставим.

– Чего он нечисть в спальне водрузил? – рыдала Алёна в грудь Ивана Ильича. – Жутко мне! Просила его – так нет! Сказал, что ничего я в науке не понимаю, а череп – вещь существующая, доказанная. Будто без этой... открытки мало про череп доказано.

Матвей Макарович усмехнулся, вспомнив спор с женой. Признаться, ему нравилось немного пугать обожаемую Алёну, которая всё одно баба и полна всяческих суеверий. В общем, понятно, что ничего не ясно и никто его не воспринимает здесь всерьёз. Он подошёл к изголовью кровати и стал с интересом следить за молодым доктором.

– Удиви меня, Саша, своим ремеслом!

Александр Николаевич проверил пульс, частоту дыхания, рефлексy, реакцию зрачков на свет. Все показатели были снижены, но Матвей Макарович был жив.

– Матвей Макарович пребывает в состоянии летаргии.

– Это чего?! – перепугалась Алёна. Она уже промокнула глаза. Ей стало легче. Приехали сильные мужчины, любящие Матвея, она не одна!

– Это состояние замедленного метаболизма, когда все физиологические, биологические и химические, а точнее сказать, *биохимические* процессы замедляются, – с особым удовольствием проговорил он.

Алёна Степановна бросила недоумевающий взгляд на Ивана Ильича.

– Устал твой Матюша. Вот и вялый стал, небыстрый, – «перевёл» начальник живой тяги (новое прозвище от Белозерского, о котором Иван Ильич ещё не знал), бросив укоризненный взгляд на молодого ординатора.

– Чего это?! Вчера с работы не устал, а как ночь проспал, так устал?!

– Понимаете ли, в чём дело... У вашего мужа... – Александр Николаевич как в холодную воду нырнул, невозможно обучиться этому: сообщать дурные вести. – У Матвея Макаровича в голове опухоль.

Белозерский посмотрел на осколки пластины.

---

²⁸ Язычники, в том числе древние славяне, действительно представляли душу в виде ветра, поскольку ветер сродни дыханию. Умерший человек переставал дышать, потому что из него уходила душа.

«Ах вот вы, шельмы, чего вокруг меня скакали! – усмехнулся Матвей Макарович. – Хитро, ничего не скажешь! Я и купился! Но с аппаратом-то я вам и в самом деле помог. Разбирались бы без меня неделю».

– Это ещё чего и откуда? Только вот летаргия, теперь ещё и опухоль. Что у него там опухло-то?! Вы мне скажите, он скоро на ноги станет? У него следующий подряд. У нас дети, внуки. Мы сами у нас ещё! – Алёна Степановна даже ножкой гневно притопнула. Всё, что говорил доктор, её ужасно напугало. Она не верила, что с Матвеем может случиться что-то серьёзное. Они сами ещё друг у друга! Ещё не дожили, недолюбили. Они ещё должны жить долго и счастливо и умереть в один день, как и положено во всех добрых счастливых сказках. – Всё на нём! Лечите его немедленно! Для того вы и господин лекарь! Чему вас в ваших университетах учат?! Только рассказывать, что человеку плохо?! Это я и без вас сообразила.

Весь её нерв сегодняшнего утра обрушился на Александра Николаевича. Такой поворот был ему знаком. Как и то, что нельзя обижаться ни на больного, ни на любящих его. Ни в коем случае.

Белозерский поднялся с кровати, дал знак Георгию, тихо стоящему с носилками. Георгию многое было внове, он не знал, как себя вести.

– Я сейчас ничего не могу сказать наверняка. Мы госпитализируем Матвея Макаровича, проясним клиническую ситуацию.

– А здесь вы никак не можете? – умоляюще прошептала Алёна Степановна, которую больницы пугали пуще смерти. – Вы же врач!

Георгий с Иваном Ильичом переключивали Матвея Макаровича на носилки. Матвей Макарович растрогался тому, как с *тем* были аккуратны.

– Я... да, я же врач, – растерянно бормотал Белозерский, пятясь на выход, потому как не умел ещё виртуозно беседовать с родными и близкими. – Но природа подобного состояния обусловлена тем, что выросло у него в голове. В свою очередь, природа головного мозга не совсем ещё прояснена...

– Вот и я говорю им всю дорогу, – согласно поддакнул Иван Ильич, взявшись за головной конец носилок. – Природу, брат, не разъяснишь! – состроил он рожицу прямо в лицо *самому* Матвею Макаровичу.

Тот весело расхохотался и хлопнул Ивана Ильича по плечу. Но в спальне все снова заметили разве очередной порыв сквозняка. Дверь распахнули, чтобы вынести носилки с пациентом Грозовым.

– Я с вами! – воскликнула Алёна Степановна. – Аккуратно несите.

Она шла рядом с носилками, ласково поглаживая лицо супруга. Матвей Макарович шёл пообок, с нежностью глядя в лицо жене.

Как вынесли из дому, санитар Георгий чуть запнулся о порог, но ничего, ничего. Только Иван Ильич обернулся, огрев его взглядом, прям как поджидал. Матвей Макарович укоризненно покачал головой: нешто Иван Ильич не сообразит никак? С его-то наблюдательностью! Ох, слепы люди! В чём он сам на собственной шкуре, то есть не на шкуре – на чём там, святые угодники?! – на собственном ветре сейчас убеждается...

Александр Николаевич пытался урезонить Алёну Степановну:

– В вашем присутствии сейчас нет ни малейшей необходимости. Я... мы... Мы соберём консилиум. Руководитель клиники примет решение.

– Я поеду! – отрезала Алёна.

Ох, очень хорошо знал Матвей Макарович это упёртое выражение лица.

– Попробуй её переспорь, ага! Я ни разу не сподобился, – подмигнул он Белозерскому.

На дворе Георгий снова споткнулся. Да так, что носилки перекосило. Алёна Степановна ахнула. Белозерский кинулся на помощь, как заполошный, но был остановлен молящим взглядом санитаря. Иван Ильич возьми да заори:

– Каши не ел, анчутка?!

Георгий ничего не ответил, только желваки заходили. Матвей Макарович от возмущения руками всплеснул:

– Ну ты и фрукт, Иван Ильич! Так твою перетак! Он же безногий! Меня бы *того* если бы и сронили, мне бы что сделалось?! Я ж не баба на сносях... А я-то откуда знаю, что Георгий безногий? Я ж его без штанов ни разу не видел.

Матвей Макарович подошёл к Георгию, когда грузили носилки в карету, и заглянул тому под брючину снизу (тот как раз подавал ножной конец и штанина высоко задралась). Так и есть! Из высокого специального ортопедического ботинка вверх уходила деревяшка. Очевидно, что и во второй штанине такой же чурбак. Матвей Макарович понятия не имел, как узнал это, едва глянув в окошко. Георгия он и до сегодняшнего дня видел неоднократно.

Матвей Макарович вдруг ощутил: на него несётся состав величиной с целый мир. Он не желал невыносимо необъятного и в то же время жаждал влиться в этот состав, раствориться, исчезнуть в нём, стать не собой, но миром. Не отдельным *со-знанием*, но *знанием*. Стать не телом, не сущностью, но *энергией*. Энергией Божией, которая тоже есть сам Бог. Он испугался страстной жажды покинуть *себя*. Он воскликнул возмущённо:

– Без ног – и работает! А я с ногами, вишь, разлётся. Вставай ты, в бога душу мать! – яростно выдохнул он в лицо *того*...

Сильный порыв ветра заглушил *вибрацию*. Всё стихло. Матвей Макарович выдохнул, перекрестился и влез в карету сквозь закрытые двери.

– Э, вы без меня-то не трогайте. Мне от *того* отходить нельзя далеко. Наверное...

В салоне расположились чинно. Матвей Макарович обнял супругу. Напротив сидел Белозерский с важным докторским видом, что изрядно забавляло Громова. Как и то, что между ними на носилках лежал он сам.

– Как я без него?! Я дышать не могу, если он меня не обнимет! – снова бросилась в слёзы Алёна Степановна.

– Да обнимаю же я тебя, чёртова ты баба! – не на шутку рассердился Матвей Макарович. – Погоди хоронить, дурья твоя башка!

Алёна Степановна на мгновение замерла, будто почуввав что. Поёжилась. Обхватила себя руками. Повертела головой.

– Погодите вы его хоронить! – рассерженно сказал Белозерский. – Вот же он, лежит. Обнимите его!

– Нет. Всегда он меня обнимал. Пока мы живы, так и будет.

Плакать ей перехотелось.

– Это верно! – успокоился Матвей Макарович. – Это мужское – обнимать. Ты вроде не дитя уже, доктор, должен понимать: баба тебя обвила – ластится; мужик руками окружил – защищает.

– Женщины, доктор, они как кошки. Мужчины – как собаки.

Алёну Степановну Александр Николаевич услышал. Но не понял.

– В смысле живут как кошка с собакой? – неуклюже пошутил он.

Громова насмешливо хмыкнула. Так частенько хмыкала Вера. Так что хоть мещанка, хоть княгиня – всё одно. Зрелой иронии Алёне Степановне было не занимать.

– За своего пса кошка любому глаза выцарапает. За свою кошку собака медведя порвёт. Вот мы когда со двора выезжали, вы и не заметили, как Мурка с Волком друг к другу прижались.

Она у него в конуре ночует, если пожелает. Из миски его ест. И она ему, бывало, мышь принесёт, он из вежливости лапой ковырнёт. У неё ловкости и хитрости больше. У него – силы и правды. У неё – свободы. У него – ответственности. Много вы знаете про своих-то, погляжу! – и Алёна Степановна победительно задрала нос.

Белозерского тут же унесло в аналогии, метафоры, размышления и прочий сор. Хотя до него донесли простую буквальную мудрость.

Громов усмехнулся и крепче прижался к жене.

– Это безобразный сарказм, – заметила Вера. – Главный подрядчик реконструкции клиники становится первым пациентом.

Они уже с полчаса стояли у постели Матвея Макаровича. Точнее, они считали, что стояли у постели Матвея Макаровича. На самом деле Матвей Макарович стоял, облокотившись о спинку той самой койки, на которой всё так же таращил глаза *тот* Матвей Макарович.

Вера Игнатъевна произвела все положенные физикальные обследования.

– Он моргает, – доложил Белозерский. Чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Разумеется, он моргает. Иначе бы склера высохла.

– Редко, но моргает.

– Тоже мне, открытие. Поразительная наблюдательность! – съязвила Вера.

– Но ты тоже... Вы! Вы, знаете ли, тоже, госпожа профессор! Вы чего же всё стоите столбом да глядите молча?

– Я думаю.

– А-а-а! – ехидно протянул Белозерский.

Снова помолчали. Матвей Макарович с интересом разглядывал эту парочку, считавшую, что они наедине. Моргающее тело они явно в расчёт не принимали.

– Вы... Ты тогда... Когда ты меня выгнала... Мы с тех пор...

Вера не сводила взгляда с лица Матвея Макаровича. Ответила механически:

– Я не выгоняла. Я попросила тебя уйти.

Белозерский кивнул. Неудовлетворённо, но кивнул.

– Ого-го тут у вас, ребятки, вишь чего! Интересно! – Матвей Макарович, несущий вахту у спинки кровати, с любопытством смотрел на них. И совсем не смотрел на моргающее тело в постели.

– Но ты же с ним... С этим...

– У «этого» есть имя! – перебила Вера. – Илья Владимирович Покровский. Вы не злой подросток, чтобы не придерживаться приличествующих взрослому человеку этикетных правил и норм.

– Это ты-то про этикетные нормы?! Хорошо! Вы же с господином Покровским?..

– Есть! – торжествующе огласила Вера Игнатъевна.

Александр Николаевич и Матвей Макарович вздрогнули от неожиданности.

Профессор встала и прошлась по свежоотремонтированной палате, где всё было обустроено по уму.

– Он мыслит!

– Так, ёлки-зелёные, Ваша светлость! Разумеется, мыслю. Я башковитый, – саркастично вставил Матвей Макарович.

– *Cogito, ergo sum*. Я мыслю, следовательно, существую. Замечательно. Чем нам поможет Декарт?

Александр Николаевичу вновь не удалось вызвать княгиню на откровенный разговор об интересующем его предмете. Ну что же, ординатор в клинике – всегда ординатор в клинике. Для остального лови момент.

– Правильный перевод: я сомневаюсь, значит, я есть. К тому же, задолго до Декарта Блаженный Августин сказал: «Если я ошибаюсь, я существую. Ибо кто не существует, тот не может и обманываться».

– Так что там с господином Покровским, Ваша светлость? – хулигански перебил Веру Матвей Макарович. Всё равно его никто не слышит. Когда ещё такое себе позволишь?! Любопытство разбирало.

Вера Игнатъевна, бороздящая палату, резко остановилась, оглянулась. Встряхнула головой. Посмотрела на Белозерского:

– Я не развлекалась с господином Покровским в том смысле, который так интересуется тебя. Сосредоточься на других твоих желаниях. Ты хотел трепанацию и операцию на мозге? Ты её получил. Завтра мы оперируем пациента Громова.

– Какого дьявола?! – возмутился Матвей Макарович.

– Ты же была против, – удивился Александр Николаевич.

Вера Игнатъевна выразительно кивнула на *того* неподвижного Матвея Макаровича, лишь изредка моргавшего на койке.

– Вы, ординатор Белозерский, не проморгали ли один небезынтересный факт? Обстоятельства изменились.

– Но всё правое полушарие...

– Значит, ты живёшь мечтами и воображением? Или ты живёшь *только* мечтами и воображением? – ядовито метнула в него Вера. – Вот! – серьёзно указала она на койку. – Вот – дело! Конкретное дело.

Вера Игнатъевна направилась к выходу из палаты. Белозерский торопливо засеменил за ней. Матвей Макарович поглядел на *того* (он никак не мог придумать, как бы обозначить себя, если теперь у него вроде как совершеннейшее раздвоение, которого он, впрочем, не чувствует; он не понимает *того*, как тело, потому как он сам есть и тело, и дух; но отчего-то именно *того* все воспринимают как Матвея Макаровича Громова, а *его самое* никто не видит и не слышит), затем сделал несколько шагов, прислушался. Тихо. Никакого *состава* не слышать. Значит, можно недалеко отойти.

– Погодите, ядрён батон, лезть ко мне в голову, будто в ящик с инструментами. Хрясь ножом по башке – и в мертвецкую?! Ну уж хрен вам!

Матвей Макарович решительно рванул за докторами.

В сестринской – тоже нарядной, свеженькой, как и вся клиника после реконструкции, – Матрёна Ивановна поила чаем Алёну Степановну. Георгий сидел здесь же, под столом потирая культи: ныли немилосердно.

– Что с ним такое, Матрёна Ивановна? Почему? Матвей-то здоровый, каких поискать!

– Это по-разному бывает, милая, – приговаривала Матрёна. – Жив-здоров человек. А через мгновение: если не мёртв, так калека! Неизвестно ещё, что хуже.

Георгий исподтишка бросил на Матрёну хмурый взгляд. Она виновато улыбнулась. Да что ж это, действительно! Тут жена Громова, а она про калеку, что хуже мертвеца! Успокоила, нечего сказать! Это всё переутомление с этими новыми делами. Столько всего, голова кругом! А персонала и прежде не хватало, теперь куда уж! Ещё и девчонку эту – Бельцеву – Вера навесила. Ладно, девчонка сообразительная, некапризная. Надо срочно исправлять ситуацию, у жены Матвея Макаровича лицо перекошилось.

– Так бывает и наоборот. Вот только всё плохо было, хуже некуда, а глядишь – уже и хорошо, так что лучше и не бывает! – протараторила Матрёна. – Молиться надо! Молиться и...

В сестринскую вошла Вера Игнатъевна со своим неотлучным щенком Белозерским, и Матрёне Ивановне полегчало.

– Вот и Вера Игнатъевна пришла. Вот они доктора, а она и вовсе профессор. Сейчас всё тебе разъяснят!

– Ваш муж – человек с воображением? – спросила Вера Игнатъевна, ничего не разъясняя и отмахнувшись от Матрёны.

Алёна Степановна смотрела на Веру Игнатъевну, как на жирафа. Княгиня Данзайр уже сменила женское платье на мужской костюм. Алёне Степановне это было непривычно, в отличие от персонала клиники. Вера, приняв оторопь супруги пациента за непонимание, чуть нахмурилась с досады и расшифровала:

– Матвей Макарович мечтал о чём-то? Мост хрустальный, всеобщее благо, в Америку под парусами? В молодости. «Построим дом, заведём детишек и кур!»

– Чего мечтать-то? – с опаской косясь на брюки и мужские ботинки, сказала Алёна Степановна. – В Америке он был. Без парусов. На пароходе. Дом любой посчитать и справить мог. А мост хрустальный зачем? Не из дурачков он у меня. Как денег заработал, так и построил дом.

– Странности у него какие-то есть?

– Какие странности, господь с вами! У нас жизнь самая обыкновенная. Я вот во Францию, в Ниццу хотела. Вот, как раз... Но то моя странность, не его. Он говорил, что в Крыму так же. Он был самый обыкновенный человек.

– И что плохого в обыкновенности? – буркнул Матвей Макарович, пристроившийся рядом с Георгием.

– Да-да, самые обыкновенные счастливые люди. Это необыкновенно прекрасно! Но вспомните, это важно. Что такого «обыкновенного» есть в вашем супруге, к чему вы, возможно, уже привыкли, потому что давно вместе, но что вас в нём поражало некогда?

Алёна Степановна поняла, что по какой-то причине это необыкновенно важно для этой женщины, одетой как мужчина, чтобы сообразить, что случилось с её ненаглядным Матвеем. Даже сам Матвей вдруг призадумался. Он-то тоже к себе давно привык.

– Я же шестизначные числа в уме могу умножать-делить. Строительные объёмы без бумажек пересчитываю. И вообще, всё, что касается... Уж скольких архитекторов с университетскими дипломами на ошибках в тангенсах-котангенсах ловил! Я промолчу про электротехнику. И другую всякую технику.

– Он считал без счётов, сразу результат выдавал! – обрадованно доложила Алёна Степановна. Вспомнив, что действительно давно к этому привыкла, а по молодости неустанно восхищалась. – И любую фигуру, цепь свою техническую, всё что угодно – от руки рисует, без линеек и циркулей.

– Тексты?

– Что «тексты»? – не сообразила Алёна Степановна, чего от неё хочет женщина в брюках. Это ж та самая главная, о которой рассказывал Матвей! С восторгом рассказывал, хотя про баб в штанах всегда плевался.

– Хорошо помнил прочитанное?

– Если что прочтёт или услышит – навсегда.

– Но не мечтал? Стихов не писал?

– Стихов?! Матвей? Да вы что!

Алёна Степановна всхлипнула и уткнулась Матрёне в грудь.

– Вера Игнатьевна! Какие тут сейчас, право, стихи! – с укоризной прошипела Матрёна, нянча супругу Громова.

– Ясно! – отчеканила Вера и вышла из сестринской. За ней хвостом Белозерский.

Матвей Макарович, с сожалением глянув на жену, поволокся за докторами:

– Эй, умники! Если условия задачи выкатываете – выкатывайте все! Я решу. Задача – не загадка. Решение – не фокус-покус, а дельный расчёт.

Иван Ильич едва присел, когда на задний двор вышли Вера Игнатьевна и Белозерский. Матвей Макарович тоже явился, но его явления Иван Ильич, понятное дело, не узрел. Зато заметил, что княгиня сама скоренько прикурила, дабы не дать мальчишке за ней поухаживать мужским манером.

– Галль считал, что мозг работает как единый орган, и если что-то вышло из строя – всей конструкции каюк. Но эта теория была отвергнута, когда Вернике предположил: за речь отвечает левое полушарие.

Александр Николаевич подскочил на месте, как жеребец, которому на одно место клеймо внезапно поставили:

– В тысячу восемьсот семьдесят третьем году он доказал это на пациенте, перенесшем инсульт!

Вера, отмахнувшись от Белозерского, тем не менее согласно кивнула. Иван Ильич и Матвей Макарович внимательно следили за княгиней и ординатором. Признаться, врачи сейчас не замечали и Ивана Ильича.

– Не просто предположил, а пошёл в предположениях дальше. Но вот последующие предположения доказать не смог, – Вера глубоко затянулась, выдохнула горький дым. Матвей Макарович помахал ладошкой. Он сам курил, но ему хотелось видеть Веру Игнатьевну. Она обратила внимание на причудливые движения дыма. – Погода, что ли, меняется?

– В Питере-то? – вставил Иван Ильич, тоже отметивший эдакий кунштюк с дымом, но лишь пожавший плечами. – Тут она всегда чудит.

– Так вот: речь, счёт, анализ, логика, житейская надёжность – это левое полушарие. Нашему замечательному Матвею Макаровичу Громову никогда и не нужно было правое. Он запросто обходился исключительно и только левым.

– Так что же сейчас произошло, – воскликнул Белозерский, – если до того без нужды было?

– А сейчас никакой загадочной нейрофизиологии, которой бредит наш славный Порудоминский. Включилась простая физика. Механика. Санитарная техника, если угодно. Опухоль проросла основание черепа, питающие сосуды, ствол. Вот двигательные функции и нарушились. Но он ещё мыслит. Пока ты наблюдал за тем, с какой частотой он моргает, я следила за выражением глаз: он мыслит. Он хочет до нас что-то донести! Он пытается с нами поговорить!

– Вот тоже мне озарение! – недовольно буркнул Матвей Макарович. – Пытаюсь донести, что не надо мне в башке ножом орудовать.

– А если мы ошибаемся, и его свалило по другой причине?

– Следовательно, мы существуем, – усмехнулась Вера. – Чем даём шанс на полноценное существование нашему замечательному Матвею Макаровичу! – Вера Игнатьевна указала папиросой в сторону палат.

Матвей Макарович внимательно посмотрел на папиросу:

– Не там я! Здесь я, черти! Иван Ильич, хоть ты скажи, о чём они, а?!

Вера, внезапно отшвырнув папиросу, рванула обратно в клинику. Белозерский, понятно, за ней. Иван Ильич пожал плечами:

– Кто их, холер, поймёт, о чём они балаболят?

Вера Игнатьевна приняла решение. Прежде, когда опухоль была видна только на рентгеновском снимке, а Матвей Макарович был внешне здоров, именно Александр Николаевич желал оперировать славного бригадира Громова. Теперь ординатор Белозерский испугался. Но главой клиники был не он.

Первое рабочее совещание после официального открытия «Общины Св. Георгия» проводила профессор Вера Игнатьевна Данзайр. Присутствовали все.

– Проблему с персоналом будем решать. Необходимо расширение штата. Насколько – поймём через месяц-другой работы в новом режиме. С сегодняшнего дня клиника осуществляет медицинскую помощь в полном объёме. Господа Нилов и Порудоминский вполне способны выезжать по вызовам. Дмитрий Петрович Концевич дежурит по приёму. На завтра на утро запланирована операция по удалению опухоли головного мозга. Пациент всем вам отлично известен. Клиническую ситуацию нам доложит... Прошу вас, Александр Николаевич!

Конфуций рекомендовал бояться своих желаний, ибо они имеют свойство исполняться. Речь шла об истинных желаниях или о браваре? Кто знает, что имел в виду Конфуций. Он жил за полтысячи лет до Рождества Христова. А сейчас просвещённый двадцатый век, пусть

и самое его начало. Действительно ли желал Александр Николаевич залезть кому-то в черепную коробку или нет, но завтра он будет оперировать человека, к которому успел привязаться. Человека неординарного. Кто знает, исцелит он его или умертвит? Одно Александр Николаевич знал точно: он воистину желал Матвеем Макаровичу подняться на ноги, не утратив при этом всего спектра неординарности.

– Ординатор Белозерский! – окликнула Вера Игнатьевна. – Вы куда так провалились, что моргать забыли? Докладывайте!

Рабочее совещание шло своим чередом. Последней отчиталась новоявленная старшая операционная сестра милосердия Анна Львовна Протасова.

– Операционные укомплектованы всем необходимым и готовы к работе.

– Матрёна Ивановна?

– Всё хорошо. Пока. Поживём – увидим! – сухо подытожила главная сестра.

– Есть вопросы, коллеги?

– Вера Игнатьевна, вы уверены, что операцию на мозге стоит производить столь скоро? – выступил Кравченко. Хотя прежде такие вопросы не обсуждались в присутствии среднего персонала. Но Вера Игнатьевна сама определила новый порядок: кроме особо оговорённых случаев, клинические ситуации будут обсуждаться в присутствии сестёр милосердия. Пусть учатся. Тут не закрытое кастовое сообщество. Если же именно оно: не будем плодить кастовость внутри каст. И так чёрт ногу сломит!

– Я не уверена, что её стоит откладывать до завтрашнего утра, Владимир Сергеевич, – Вера ответила корректно, но холодно.

– Возможно, стоит привлечь для консультации...

Вера перебила его, на сей раз, увы, горячо:

– Кого-нибудь более осведомлённого в вопросах нейрохирургии? Кого-нибудь более осведомлённого, нежели я, выполнявшая полостные операции на поле боя? Нежели я, чей архив, в том числе нейрохирургический, ничуть не менее обширен, чем японский, хотя и не так известен? – Вера чуть понизила тон, увидав, как задрожала Ася.

Интересно, из-за чего? Профессор повысил голос? Но это клиника. Здесь такое сплошь и рядом, рутина. Хохлов и не так из себя выходил, и ничего, никто не дрожал, как мышь. Господи, как же Ася бесит Веру! Это нехорошо, нехорошо. И бесит-то непонятно с чего. Хирург, конечно, должен доверять ощущениям, но это всего лишь женская неприязнь. Слава богу, Вера Игнатьевна умеет анализировать себя. Да, эта мелкокалиберная глупая девчонка всего лишь вызывает у неё именно женскую неприязнь, как это ни прискорбно. Добро бы она просто ревновала её к Сашке, но нет! То, что Ася интересна такому человеку, как Владимир Сергеевич, – вот что возмущало Веру. И её возмущение переносилось и на него. Вот это было плохо. Надо владеть собой. Всегда. Всегда и во всём отдавать себе отчёт. Во всяком случае, когда ты в сознании.

– Возможно, Владимир Сергеевич, моя рука не так быстра, как рука Пирогова, – Вера взяла чуть шутиливую ноту, – но Вильям Мортон избавил нас от необходимости работать исключительно на скорость. Избавил нас от необходимости сортировать организмы на способных перенести болевой шок и неспособных.

Ординаторы заулыбались. Грубоватая хирургическая истина немного снизила напряжение, возникшее из-за того, что Вера Игнатьевна и Владимир Сергеевич обговаривали тактику ведения пациента вне консилиума, на общем собрании в присутствии среднего персонала.

– Я ни в коем случае не ставил под сомнение вашу хирургическую квалификацию, Вера Игнатьевна.

– Тогда кого вы хотели привлечь? Кого-то более осведомлённого в вопросах мозга? Интересно кого? Единственный из актуальных современников, не считая вашей покорной слуги, кто не боялся оперировать мозг, был Николай Васильевич Склифосовский. Но он умер два года

тому назад, вот незадача. Так кого привлекать, Владимир Сергеевич? – последнее профессор сказала печально. – Я бы сама с радостью привлекла, да некого. Вся ответственность на мне.

– Вера Игнатьевна, я всего лишь...

Вера встала – и все встали – подошла к своему доброму другу, восстановлению которого в правах она способствовала, лично обратившись к государю. (Что от Владимира Сергеевича тщательно скрывала.) А теперь, внезапно, так неудачно выступила в присутствии всего коллектива. Где светлых умов раз-два и обчёлся... Фу, и это тоже высокомерие лютое!

Вера Игнатьевна взяла доктора Кравченко за руку, посмотрела ему в глаза с благодарностью:

– Вы всего лишь хотите меня подстраховать. Я понимаю ваше желание, Владимир Сергеевич. И благодарна вам за заботу. Но не надо обо мне заботиться. Я бы не взяла на себя руководство клиникой, если бы не была готова отвечать за каждое своё решение. За каждое! И за всё.

Владимир Сергеевич кивнул. С достоинством. Без позы.

– А чего все как на параде? – Вера оглядела присутствующих в кабинете. Вернулась на место. Села. И все сели.

– Не надо вот этого! Не всегда стоит вскакивать, если профессор встал. Или если дама встала.

– А если дама-профессор? – сделал нарочито большие глаза Порудоминский.

Вера улыбнулась первой.

– Не буду с вами спорить, это действительно непривычно. Но только пока, только пока. Готовьтесь, господа! Скоро мы вас потесним. Я планирую нанять на работу женщин-врачей. И последнее: все сегодня – кроме дежурного персонала, разумеется, – приглашены в ресторан. Я была против шумного празднования, я считала, что торжественной церемонии открытия более чем достаточно. Но Николай Александрович Белозерский настоял. Собственно, он прав. Подобный обед – не просто гулянка, а возможность привлечения новых меценатов и акционеров. Потенциальных кандидатов он и пригласит. Так что... Не знаю. Не делайте незнакомцам козы морды. Оденьтесь прилично. Соответственно случаю. Я сама прибуду в положенном даме наряде и не буду возражать вашим ванькам-встанькам при любом моём подъёме.

Вера поднялась. Все поднялись.

Ей ужасно захотелось расхохотаться, но для этого надо было выскочить из кабинета, пролететь коридорами на задний двор, перебежать и его, и позволить себе отсмеяться уже во владениях Ивана Ильича. Сейчас она не могла себе этого позволить и потому очень серьёзно надула щёки.

Может, прав Хохлов? Рано ей клиникой руководить? Больно горяча?

Неужто, чтобы чем-то руководить, непременно надо остыть. Тогда лучшие руководители известно где. Хладные, дальше некуда. Жить уже не торопятся, чувствовать тоже не спешат.

Глава VI

Владимир Сергеевич курил на заднем дворе. Вышел Концевич, присоединился к Владимиру Сергеевичу. Тот не возражал. Некоторое время курили молча, глядя как Иван Ильич и Георгий занимаются по хозяйству, причём «начальник живой тяги» нещадно донимает нового санитара по сущим пустякам, а тот только зубами скрипит.

– Эк вас княгиня! – наконец слегка саркастично изрёк Концевич.

– Была совершенно права, – равнодушно откликнулся Владимир Сергеевич. – Она не маленькая девочка, а руководитель клиники. В нашей культуре принято опекать и оберегать женщин. Право слово, ничего дурного в этом нет. Но пришло время всем уяснить разницу между поданным манто, своевременно открытой дверью и равенством в принятии решений и должностей. Что, впрочем, не помешает вовремя подать манто.

– В особенности если никакого манто, признаться, и нет! – Концевич указал подбородком на выскочившую во двор Марину Бельцеву. – А есть, к примеру, тяжёлая корзина.

У младшей сестры милосердия в руках действительно была корзина, судя по всему, тяжёлая. Она проследовала с ней в сторону акушерского блока.

– Вы, господин Кравченко, такой же раб сословностей и условностей, как все прочие. Не ставьте себя выше других. Одно дело в бою: что адмиральское пузо, что матросское – одна требуха лезет. Другое – в миру. Где, признаться, любая баба – от княгини до профурсетки – по требухе тоже неотличимы. Однако манто вам в голову пришло. В такую светлую голову, как ваша.

Кравченко промолчал. Отвесив поклон и усмехнувшись, Концевич зашёл в клинику.

– Я заметил: не любят они друг друга, – вырвалось у Георгия. Невозможно быть в связке с человеком и всё время молчать. – А Вера Игнатьевна на представлении говорила, что этот того продвинул.

– Они тебе что, красна девица с добрым молодцем, чтоб друг друга любить?! – рыкнул Иван Ильич. – Не твоего ума дело, чего там у господ докторов!

– Иван Ильич, что ты до меня пристал, как локоть сбоку! – взорвался Георгий. – Что я тебе сделал, если я тебя знать не знаю?! Пусть бы подрался, да отвязался! – новый санитар сплюнул.

Иван Ильич с готовностью оставил работу. Прищурился. Стал наизготовку.

– На кулачках, значит?

– На кулачках!

Вера Игнатьевна и Матрёна Ивановна шли по коридору.

– Мотя, нам акушерок набрать надо. И врач не помешает, я в Керчь написала, там моя давняя знакомка работает. Ты новенькую сестричку бабичьему делу обучай. Сообразительная, руки способные.

Тут как раз навстречу им та самая новенькая и принеслась, перепуганная:

– Кучер с санитаром драку на дворе затеяли! Я из женского здания шла...

Вера стремительно зашагала на выход. Матрёна, ахнув, прихватила юбки и понеслась следом. Марина Бельцева последовала за ними. Любопытно же! Ей всё нынче было любопытно. Здесь был совсем другой мир. Здесь было куда свободнее и спокойнее, чем в господском доме. Здесь её не считали за неодушевлённый предмет, при котором всё можно и с которым всё можно.

Вера вышла на крыльцо. Иван Ильич и новый санитар мутузились. Это выглядело прекомично. Оба были сильны, разве Георгий в ногах потяжелее, Иван Ильич поманевренней, но

санитар был в целом крупнее, так что давил корпусом. Вера еле сдерживала смех. Выскочившая следом во двор Матрёна кружила вокруг мужиков, сцепившихся за грудки. Вера, покачав головой, ринулась промеж сопящих бугаёв. Бельцева застыла в дверном проёме, раскрыв рот. Молниеносным неуловимым движением княгиня вывернула мужикам руки за спины так, что те вынуждены были застыть в низком поклоне аккурат напротив Матрёны.

– Выбери! – скомандовала княгиня.

– Я?!

– Не из-за меня эти добры молодцы передрались!

«Добры молодцы» кряхтя, пытались вывернуться. Вера Игнатъевна чуть сильнее заломила руки, рывкнув:

– Была команда?!

– Марина, идём, у нас дел невпроворот! – елеинным голосом промолвила Матрёна Ивановна и направилась к дверям. Бельцева попятилась не в силах оторвать взора от диковинного зрелища: женщина легко удерживает двух здоровых мужчин. Чудеса, да и только!

– Никаких чудес! – Вера не сочла возможным оставить детское удивление Марины без разъяснения. – «Путь пустой руки»²⁹. Любой может выучиться. При должной степени терпения. Русский кулачный бой при прочих равных бессилён против «пустой руки».

– Выпустите, бога ради, Ваше высокоблагородие! – простонал Георгий.

– Вера Игнатъевна, отпустите, чёрт бы вас побрал! – прокряхтел Иван Ильич.

Вера бросила вопросительный взгляд на Матрёну Ивановну, застывшую на крыльце с видом боярышни, какой её увидел кустарь лаковой миниатюры, творящий по мотивам художника Маковского.

– Ни один предложения не изволил сделать! – отрезала Матрёна и горделивой павой зашла в клинику. Бельцева юркнула за ней, чуть не получив дверью по носу.

Вера отпустила мужиков и расхохоталась. Отсмеявшись, с недоумением посмотрела на соперников, которые оправлялись, пыхтели и утирались. Были в крайней степени недовольны тем, что их баба скрутила, и старались друг на друга не глядеть.

– Что, ни один?!

– А я чего?! – сорвало в нерв Ивана Ильича. – Она ж вся такая важная, куда там ваше дело! Командирша вся из себя! Перед этим ещё задом вертит.

Вера Игнатъевна уставилась на Георгия.

– А он чего?! – раздражённо огрызнулся тот. – Сказал бы прямо! Я почём должен знать, что он меня из-за бабы невлюбил?! Я привычку имею, Ваше высокоблагородие, с товарищами плечом к плечу. А не... не с интриганами боками тереться!

Такого оскорбления Иван Ильич не в силах был перенести. Он развёл руками, глаза его увлажнились. Дрогнувшим голосом он еле выговорил:

– Ну знаешь! Ты при-при, да не напирай!

Вдруг он взвился весь, как пружина, и бросился на расслабленного противника, толкнул его руками в грудь. Застал, что называется, врасплох. Георгий упал – неудачно упал – нелепо качнулся на земле ванькой-встанькой, штанины задрались, и Ивану Ильичу, собиравшемуся броситься на лежачего санитаря, явились деревянные протезы. Вера только головой покачала. Села на крыльцо. Достала портсигар. Сейчас будут представлены акты второй и третий: раскаяние и братание. Здесь русский дух, здесь надрывом пахнет. Здесь на неведомых дорожках Фёдор Михайлович бредёт на курьих ножках³⁰.

---

²⁹ Княгиня имеет в виду карате-до, японское боевое искусство, которому её обучал японский принц (см. первый сезон романа-сериала «Община Св. Георгия»), К началу двадцатого века карате входило в обязательную программу подготовки личного состава японской армии. Русско-японская кампания подтвердила ценность карате.

³⁰ Вероятно, Их высокоблагородие имеет в виду Фёдора Михайловича Достоевского. Считается, что именно этому писателю был особо люб русский надрыв. Автор не совсем согласен с княгиней Данзайр и считает, что Ф. М. Достоевский не

Минут через пять, после слёз, наматывания соплей на кулак и ожидаемых рукопожатий и объятий, Иван Ильич и Георгий Романович уселись курить рядом с княгиней. От её папирос отказались. Извозчик угостил санитаря самокруткой. Как сказать: угостил! Если бы тот отказался от «угощения», Иван Ильич его бы проклял. Таковы особенности русской любви.

– Чего сразу не открылся, шишига безногий?

– А что это меняет, старый чёрт?

– Всё это меняет! Не сильно-то ты и моложе!

– Ничего это не меняет! Сильно, не сильно, а чутка есть. Ничего не меняет, что я без ног. Не сильно-то я и без ног, как видишь. Во всяком случае... – Георгий покосился на княгиню, глаза её смеялись – ну, значит, можно и шуточку отпустить негромко, – во всяком случае, с бабами это ничего не меняет!

– Тьфу! Дурья твоя башка! – сплюнул извозчик и протянул Георгию руку. – Давай по новой: Иван!

– Георгий! – санитар с радостью протянул в ответ увесистую ладонь.

– Тот самый? Держит ангел копие...

– Бьёт дракона в жопиё!

Пока они хохотали, обнимались и целовались троекратно, Вера Игнатъевна зашла в клинику. Распря была улажена. Хотя, как ни бейся, а инвалида равным не признают. Стал бы Иван Ильич таким добрым, если бы да кабы! Рассмотрел бы так скоро, что Георгий – хороший мужик? Или в нём сострадание, опять же надрывное, заголосило, что он и за бабу сражаться со счетов сбросил? Или индульгенцию себе искал? Вроде и нравится Матрёна, но и жизнь менять охоты нет. Тут ещё дел навалилось с реорганизацией, лошадок много, карет добавилось. Какая уж тут семейная жизнь? А для Моти возможна семейная жизнь? А для Георгия? А для неё самой?! Какого дьявола такие глупости в голову лезут?! Кого-то можно в этом мире назвать совершенно неискалеченным? Или нет таких? Тьфу, сами разберутся! Ты с собой, княгинюшка, разберись, будь так добренька.

– Теперь Матрёшка нам устроит! – ухмыльнулся Иван Ильич.

– Чего устроит?

– Показательную гастроль устроит. Бабы страсть любят, когда за ними по двое сохнут.

– Это если гниды.

– Ты где бабу не гниду видал, а? – Иван Ильич толкнул Георгия плечом.

– Я-то самолично такую не видал. Но рассказывают, что и не гниды бывают. Хотя мне, повторю, не попадались, – Георгий толкнул Ивана Ильича плечом в ответ и подмигнул.

Хорошо, что Вера Игнатъевна их уже не слышала. Она бы сейчас не смогла ответить: гнида она баба или не гнида. И почему она сейчас собирается нарядиться как следует, быть невероятно обворожительной на банкете? Зачем это ей, если она вроде как не придаёт этому особого значения? И так хороша. К тому же она знает, что там будет присутствовать... Но ещё не знает, почему и в каком качестве. Для Сашки Белозерского она в гробу бы видала так наряжаться. А для того? А если сказать: для себя? Кому сказать? Себе? Это, Вера Игнатъевна, и называется самообман, который вы так не терпите в людях. А в себе? В себе терпите? Вы вроде не поклонница Леопольда фон Захер-Мазоха, наряжавшего героинь своей дешёвой порнографии в гуцульские кацабайки и сдабривая их кнутами и канчуками. Во всяком случае, вы, княгинюшка, не та, над которой будут издеваться. И не та, что будет издеваться сама. Вы абсолютно нормальный, неискалеченный человек!

Во главе банкетного стола посадили, само собой, профессора Хохлова. По его правую руку расположилась княгиня Данзайр, по левую – старший Белозерский. За Николаем Александровичем сидел Владимир Сергеевич Кравченко, место рядом с Верой пустовало, она была не столь любопытна, чтобы заглядывать в карточку. Без нужды. Она догадывалась, кто предназначен ей в соседи. Далее все расположились по ранжиру.

Вера Игнатьевна была настолько просто прибрана, что напоминала античную богиню, снизошедшую до пиршества в компании смертных. Николай Александрович изрядно скучал по ней и по возвращении из Берлина ещё не имел чести, удовольствия, счастья, чёрт возьми, и чего там ещё... лицезреть её! Вот только на официальном открытии, считай, увиделись. Теперь ещё банкет. Разве ж это годится?! Особенно не годится любоваться Верой Игнатьевной, когда произносишь речь. Неприлично так коситься, чай, не мальчишка.

– Я уверен: клиника станет лучшей в столице! А то и в обеих! И мы, безусловно, переплюнем одесситов, этих любителей пускать пыль в глаза, с их первой, видите ли, в Российской империи Станцией скорой помощи!³¹

В залу вошёл тот, кого Вера так опасалась и так ждала. Собственно, всё отгорело (это правда!), и никакого интереса он у неё не вызывал (не врать себе!), разве только игра (а как быть с тем, что ты слишком азартна и никогда не играешь? I³²). Останови внутренний монолог, потому что вошедший пялится на тебя, а ты пялишься на него. Это крайне неприлично как минимум в тот момент, когда Николай Александрович, неприлично же пялясь на тебя, произносит приличествующую речь.

– А вот и Илья Владимирович, – старший Белозерский заметил вошедшего, со всем почтением ожидавшего окончания здравицы. – Милости прошу к нашему шалашу! Рад, рад!

Покровский и старший Белозерский крепко пожали друг другу руки, приобнялись, хотя Николай Александрович и держал наполненный бокал на отлёте. Движения их были опытные, выверены, они были статны и ловки. Помимо воли княгиня залюбовалась короткой интермедией.

– Господа!... Дамы и господа! Позвольте отрекомендовать обществу Илью Владимировича Покровского! Человека не только богатого, но и щедрого. Не только мудрого, но и великодушного. Господин Покровский изъявил горячее желание пользоваться своих фабричных в больнице «Община Святого Георгия» и уже приобрёл, как выразились бы заокеанские коллеги-капиталисты, корпоративную страховку. Но это ещё не всё. Я пригласил Илью Владимировича стать акционером нашего предприятия и совершенно не удивлён тем, что этот дальновидный человек принял моё приглашение. Прошу любить и жаловать!

Раздались аплодисменты. Покровский поклонился собравшимся ровно настолько, чтобы и почтение выразить, и восхищение принять. О, это он умел виртуозно! Старший Белозерский не заметил, как скорчило его родного сынка, сидевшего на положенном ему отдалении. Николай Александрович самолично наполнил бокал шампанским и вручил его Покровскому.

– Николай Александрович преувеличивает мои добрые намерения, как это свойственно хорошим людям, – начал господин Покровский ответную речь в меру шуточно, в меру мило и безмерно обаятельно. Как Вера ненавидела его за это победительное обаяние! – Я, да будет вам известно, отъявленный мироед, и в любом предприятии меня интересуют три вещи: выгода,

---

³¹ Николай Александрович не ошибается. Первая в Российской империи специализированная Станция скорой помощи действительно была открыта в Одессе. Её появлению помог меценат, граф Михаил Михайлович Толстой. Легенда гласит, что стимулом к этому явился эпизод с его дочерью, которая подавилась костью, и в поисках помощи он вынужден был объехать ряд больниц. Факты же таковы: 20 апреля 1903 года в Одессе была открыта Станция скорой помощи, оснащённая по последнему слову науки и техники. За образец была взята венская Станция скорой помощи. Граф М. М. Толстой провёл в Вене три месяца, работая на скорой... санитаром. Дабы изучить вопрос досконально.

³² В главе десятой первого сезона «Общины Св. Георгия» Вера Игнатьевна признаётся, что слишком азартна и потому никогда не играет.

выгода и ещё раз выгода! В чём же моя выгода? Выгода очевидна, господа!.. И дамы! – он наособицу поклонился Вере, отсалютовав её бокалом. – Здоровые рабочие и служащие – здоровая фабрика. Здоровая фабрика – богатая фабрика. Так что выпьем за здоровье и закономерно проистекающее из него процветание!

Ах, как обманчиво простодушно умел он улыбаться! Сейчас Вера его не терпела! Когда раздался звон бокалов, позволила себе задержаться у бокала Хохлова, будто в суете не заметив протянутого навстречу бокала Покровского. Он усмехнулся, старая лиса! Отпил и присел рядом с Верой Игнатьевной, куда его проводил самолично Николай Александрович, и завёл разговор с Алексеем Фёдоровичем Хохловым, немного склоняясь к княгине, ибо так было учтиво по отношению к профессору.

Концевич, сидевший напротив младшего Белозерского, отметил, что тот имеет вид щенка, отшлёпанного веником. Ася, сидевшая рядом с Александром Николаевичем, ничего не замечала, потому как была раздавлена роскошью и тем в особенности, что её наряд не соответствует... ничему не соответствует. А уж в сравнении с княгиней она и вовсе мусор щепочный, какой, бывает, бьётся о борта белоснежных яхт.

Кравченко бросил на Анну Львовну беспокойный взгляд, но она его не заметила, смотрела в тарелку, не зная, как подступиться и стоит ли есть вообще. Аппетита, признаться, в последнее время особо не было. Сейчас на еду было неприятно смотреть, поскольку вокруг тарелок выстроились ряды приборов, и все с ними весьма ловко управлялись. Дмитрий Петрович и вовсе виртуозно. Ася же не знала предназначение как минимум половины из них, хотя в приюте у них преподавали домоводство и правила столового этикета.

– Прекрасно! – сказал Концевич, допив до дна. – Больше денег – лучше клинике. Лучше клинике – лучше нам!

– А как же общее благо? – уставился на него младший Белозерский. – Ты сам, помнится, твердил мне, что кабаки, подобные этому, – оплот партии кадетов³³, которые не что иное, как партия игрушечная, липовая и пособники власти сатрапов. Как же твой социализм?!

– Ты не по адресу сатанеешь, дорогой мой, – ухмыльнулся Концевич. – И не по причине общего блага ищешь повод спустить пар!

Белозерский собрался вскочить, но тут ему на плечо мягко легла сильная рука.

– Господин Концевич социалист? – ласково спросил Владимир Сергеевич. Он решил подойти поинтересоваться, как чувствует себя Ася. Но вовремя поспел и для другого.

---

³³ И правда, в главе двадцать четвёртой первого сезона романа-сериала Дмитрий Петрович именно это и утверждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.